

Марейкины истории

Дорогие ребята!

Эта книга написана о семейской староверческой деревне Десятниково. Кто такие «семейские» и почему их так называют?

В XVII веке их предки жили в Московской Руси. В то время церковь стала меняться, равняясь на греческую. Но многие православные люди не приняли этих изменений и бежали за пределы Родины в Речь Посполитую. Через сто лет царица Екатерина II вернула их на Русь и сослала в Сибирь за Байкал заселять целинные земли. Возвращались они семьями, поэтому и называются – «семейские».

С тех пор прошло более трёх веков, но семейские и по сей день хранят древнерусскую православную веру, старинные обряды и обычаи, песни и костюмы. Представляя из себя исключительную ценность для новой цивилизации, самобытная культура семейских Республики Бурятия в мае 2001 года была провозглашена «Шедевром устного и нематериального наследия человечества» и включена в первый список Организации Объединённых Наций по вопросам образования науки и культуры (ЮНЕСКО). А село Десятниково в сентябре 2016 года вошло в «Ассоциацию самых красивых деревень России».

Повесть о семейской девочке

Посвящается маме – Евстифеевой Марфе Осиповне

1.

Марейка – отхончик – последний ребёнок в семье. Хотя она ещё и маленькая, но ей очень нравится слушать старинные песни, петь частушки, а перво-наперво – наряжаться в любимую семейскую одежду!

Мама, когда выходила замуж, привезла из Тарбагатая в Десятниково сундук с приданым. Чего в нём только нет! Аж дух захватывает! Широленные сарафаны, обшитые по низу атласными, разноцветными лентами, яркие запоны¹ и кофты, кашемировые шали с длинными кистями и... янтари! В мире нет ничего краше янтара! Если долго держать в ладони огромную тёмно-красную бусину, то она словно оживает и пахнет смолой древнего хвойного дерева. С большим янтарём не хочется расставаться ни за что! А есть, малюсенькие, лёгонькие, светло-жёлтенькие и такие солнечные бусинки, что ими можно играть хоть до вечера! И у Марейки тоже свои янтари. Когда она надевает семейский сарафан, то чувствует себя самой настоящей барышней и важничает – крутится перед зеркалом, натирая щеки румянами.

Сегодня вечером жарко протопили печь – на улице мороз и метель, а в доме уютно и тепло. Сначала все весело и дружно поужинали картошкой с холодцом, потом дети принялись играть в бабки – в раскрашенные кости. А когда надоело, стали веселиться. Старший брат Саша учится играть на гармошке, а Марейка под его музыку до хрипоты напелась частушек. Притопывая в такт плясовой, запевала:

Мама, глянь-ка у окошко!
Чё на крыше деетца-а-а-а:
Соловей у гармонь играет,
Поросёнок женица-а-а-а!

Мама тут же ответила сильным чистым голосом:

Ах ты, доча, попляши-и-и!
Твои ножки хороши-и-и!
На твои бы ножки
Хромовы сапожки!

Вот так и пели-плясали до ночи, пока отец не велел:

– Хватит веселиться, пора спать.

Но Саше не хотелось спать, ему не терпелось быстрее научиться играть, а Марейка тем более

была против спанья, поэтому дети враз закачали головами – нет!

– Мы же так браво поём! – сказала Марейка. – Давай, мама ещё споём!

Но мама ответила:

– Нет, давайте почаюем² и – спать!

Отец засмеялся:

– Ну, семесюхи³, вам бы только чаевать!

Попили чай, по-деревенски забелённый молоком, потом легли спать. Ночью Саше снилась гармошка, на которой он играет лучше всех в деревне, Марейке – семейский сарафан алее алого, в котором она кружится, а маме – её любимые дети, сытые и здоровые.

2.

Десятниково – старинное село; улицы длинные, прямые, а дома, словно пасхальные яйца, раскрашены в яркие цвета. Люсин дом: коричневые бревенчатые стены, ставни и резные наличники – голубые с белыми вставками, а ворота – зелёные. Как она любит вместе с мамой к празднику шоркать дресвой⁴ уличные стены! Брёвна становятся чистые-пречистые! А потом окатишь избу колодезной водой, и такой она становится чистой и праздничной. Даже пыль с дороги не садится на брёвна – боится испачкать!

Любит Марейка свою деревню больше всего на свете. И когда они с подружками поднимаются на Багульничью гору, что рядом с их улицей, то видят, что избы ютятся вместе, словно котята лежат на дне огромного блюда, края которого – пологие холмы. Хорошо, когда среди множества изб видишь свой родной дом с красной железной крышей, с вьющимся дымком над высокой трубой!

У избы пять окон, и с улицы она кажется длинной и низкой по сравнению с домом напротив, где живёт дед Павел. Его дом кажется хоромами и, когда светит солнце, то от дома падает тяжёлая и густая тень, застилая свет. Хоть и с улицы Марейкин дом кажется низким, но со двора, когда войдёшь через высокие резные старинные ворота, увидишь иное: холм – пологий вниз, а дом высоко-о-кий, чтобы дотянуться до ставень, надо брать длинную-предлинную палку. Крыша дома, где воркуют голуби, ступенькой опускается на крышу сеней, та – на крышу крыльца, ещё ступенька – крыша погребца, вот где можно лазить! Целых четыре крыши, одна под другой!

Но сейчас зима, и на крыше сидеть опасно – скользко, а вот летом можно кататься на корточках с железной крыши дома, спотыкаясь на крыше сеней – там уже пошли доски. Но зимой можно прокатиться с большой горы, что за домом деда Павла, а если туда идти не хочется, то можно прокатиться прямо тут, во дворе, сел – и поехал до самой бани. Не всем ребятишкам так везёт, чтобы горка была прямо в их дворе! Марейке повезло! Ей во всём везёт! Ведь её все любят и жалеют. Когда играют в «Кто успеет!», Марейку сажают на большие деревянные санки и толкают с горы. Остальные должны запрыгивать на ходу, вот и выходит: кто успел, тот и сел. Вот смеху бывает! Иногда Марейка съезжает одна, как барыня, но иногда, случается, и придавят её, бедную, – лежит, аж не дышит, бывает, что и заплачет. Тогда брат Гоша жалеет её, потому что она самая маленькая.

Когда во дворе полно снега, отец сгребает его в большие кучи. Саша впрягается в санки, на которых стоит большой ящик, ящик набивается снегом; Марейка утаптывает, топя ногами и прыгая, и Саша везёт гружённые сани в огород. Марейка сидит сверху. В огороде ящик переворачивают, и теперь Марейка колотит ножками дно ящика. Она одета в голубую плюшевую шубку, сшитую мамой, и так туго перевязана крест-накрест маминой шалью, что крутить головой нет никакой возможности, захочешь повернуться в сторону, а глаза – тырк – в серую шаль! Обидно. Вот уже горы снега перекочевали со двора в огород, где он сгодится, а во дворе всё меньше грязи весной.

Теперь можно отогреть руки в теплушке, здесь зимуют куры, маленькие ягнята, отлучённые от маток, чтобы их не затоптали. Теплушка делится на три части: в прихожей стоит старенькая печь, которая постоянно топится, на ней кипит чёрный чугунок, закрытый эмалированной зеленоватой миской, из-под которой вырывается пар, разнося запах варёной картошки в мундирах, здесь же и бачок с подогреваемой водой. Это всё для поросят. В другой половине, слева, где небольшое

оконце, суется разношёрстные ягнята: одни чёрные – породы меринской⁵, другие – коричневатые, белые – обычные. В третьей части сидят куры.

Когда Марейка переступает через заиндевелый скользкий порог, ягнята быстро подбегают к перегородке, цепляются копытами за тонкие доски, тянут мордашки кверху, оттопыривая острые уши. Тут же загоношились куры. Петя-петух, быстро спрыгнув с насеста, выставляя вперёд круглую грудь, торопливо начинает прохаживаться взад-вперёд, криком призывая к порядку. Шум, гам, переполох.

– Но-но! – Марейка, повывисив голос, успокаивает всё семейство.

Петух замолкает, пучит красный глаз, напряжённо вздрагивая бородкой. Рассмотрев, что пришла Марейка, успокаивается и начинает чистить свой растрепавшийся хвост.

– То-о-та! – улыбается девочка.

Ягнята яростно стучат в перегородку, думая, что о них забыли. Марейка тут же протягивает им через щели пучок сена, и ягнята хрустят сухой травой, мотая головами и отпихивая друг друга мордами.

Входит мама в старой курмушке⁶, в забрызганных пойлом валенках и выпускает ягнят. Толпясь и перепрыгивая друг через друга, они торопятся на призывное бляение своих мам. Суется, путаются. Баранухи, отрывисто заблеяв, обнюхивают своих родных кургашеков⁷ и подпускают к вымени. Наступает тишина. Слышно лишь чмокание, да видно подёргивание коротких хвостиков у маленьких ягнят от счастья быть с мамами.

Коровы греются на солнышке. Прикрыв глаза, жуют, изредка взмахивая хвостами. Зима – не лето: нет зелёных лужаек, нет сочной вольной травы. Зимой один путь: огород – стайка. Старшая сестра Люба говорила, будто раз в год, ночью, коровы говорят человеческим языком, рассказывают, каково им живётся у хозяев. Марейка каждый раз смотрит на корову Зойку и на буруна⁸ Тольку и думает, как бы услышать, ладно ли им живётся здесь? Но животные жуют себе сено и не выдают тайны. Однажды вечером девочка пробралась в задний двор к стайке и приблизилась к замёрзшей продушине, из которой пахло назьмом⁹. Тут она услышала громкое фыркание и так испугалась, что убежала ни жива ни мертва. Какой, наверное, у коров густой и трубный голос, когда они говорят по-человечьи. Хоть бы разок услышать, как они говорят: «Мммму-у-а-аа! Ха-ра-шо жы-вём!»

У Марейки теперь все дела сделаны и можно покататься на санках. Лучше пойти в «подзамирало» – это такое место, где, когда катишься вниз с крутого обрывистого лога, то замирает сердце. Здесь особенно интересно кататься.

Сметая снег с одежды веником, чтобы не тащить его в избу, Марейка колотит себя по бокам, по катанкам¹⁰, где повисли сосульки и никак не отрываются, а ноги разъезжаются от налипшего льда. Тузик, Марейкина собака, следит круглыми глазами, наострив ушки, и смешно поворачивает мордашкой. Постучав напоследок затвердевшими валенками, Марейка захлопывает дверь перед носом Тузика. Он ворчит, долго устраивается и наконец, ложится у дверей крыльца на вязаный круг.

Мама уже закончила стряпню. В избе пахнет дымком от дотлевающих углей и подгоревшей метёлки, которой заматают горячий пепел в русской печи; запах дыма постепенно изгоняется вон запахом свежееиспечённого хлеба, булочек и калачей.

Когда распахивались двери и мама выносила в горницу горячие, посыпанные маком и сахаром, тарки¹¹, клубы мороза врываются в избу, бессильно бились в окна, в стены и таяли в плену тёплого домашнего духа, исходящего от тихонько потрескивающей, доброй, успокаивающей и обогревающей хозяйки-печи. От окон на полу тёплый солнечный свет, от него покой и уют, но свет постепенно гаснет, приступает царство тёмного, холодного вечера.

Зима сменяется весной, весна – летом, лето – осенью, осень – опять зимой. И весь год вмещает в себя толстый настенный календарь. У Марейки – седьмой. Как мало! Вот у бабушки – целых семьдесят! У мамы – сорок. Календари листает время: плавно, медленно, постоянно, без перерыва, один кончится, другой начинается – так стопки и копятся. Марейка хотела бы прожить большую-большую стопку календарей!

Бабушка говорит, что день прошёл и слава Богу, а Марейке непонятно. А если она плакала в этот день? Чего-то просила, а ей не дали? Если её обидели сегодня, что уж тут хорошего? Но бабушка прожила долгую жизнь, и ей видней. Она каждый вечер молится перед божницей – кладёт начал¹². Стелет под колени подрушник¹³ и кланяется Богу до пола. Она и Марейку научила креститься – два пальца сначала надо приложить ко лбу, затем – к животу и, наконец, к плечам справа налево, потом – поклониться до половиц. Марейка всё запомнила.

3.

Весна. Скоро Пасха Христова. К Пасхе готовились долго – мыли избу изнутри и снаружи, красили яйца, шили наряды. И всё время ели пироги то с луком, то с морковью, то «с молитвой». Ищет Марейка молитву, а в пироге её нет – куда же она подевалась? Бабушка ничего не объясняет, только шепчет: «Царица Небесная, вразуми!»

Наконец-то наступил светлый праздник. На семь дней Пасхи – семь новых платьев, которые мама сшила, чтобы дарить на святой неделе.

Людей на улице много, и от этого радостно. Марейка с усердием набивает большие карманы нарядного, ситцевого платица, гладкими, крашеными луковой кожурой, яйцами.

– Ни тяни! Оторвёшь карман! – слышит Марейка.

Мама, наряженная в праздничную семейскую одежду, красуется на солнце, и оттого кажется яркой и лучистой. Какая она красивая! Сама словно солнце! Марейка зажмурилась, потом попросила:

– Надо бы ишо яичка, а то они чё-то ломаются.

– Послухай, а ты коло забора не катай и коло камней, а там, где трава мягкая и зелёная. А коли уж разобьётся, надо съись.

– Я уже сёдня ела! Куть-куть-куть! – стала Марейка подзывать кур, кроша им раздавленное яйцо.

– Опять?! – понарошку суровится мама.

– Но курам тоже на Паску надо ись! – в огромных Марейкиных глазах появились слезы.

– Перестань! В праздник плакать грех. Бог по земли ходит! – мама вытерла передником покрасневшее личико дочки.

Тут же новые сандалики быстро-быстро застучали по земле. Не сгибая колен, смешно вытягиваясь вперёд, придерживая растопыренными пальцами тяжёлые карманы, Марейка выбежала на улицу, а перед тем нечаянно коснулась тяжёлой светлой косой высоких, потемневших от времени и дождей, деревянных ворот. Благословилась...

На чисто выметенной улице возле самого Марейкиного дома солнце, казалось, светило ещё ярче, щедрыми струями заливая село. «На Пасху солнце играет!» – вспомнила она слова бабушки.

Улица упирается в зелёную гору, дальше колхозное пшеничное поле, а на вершине горы – заросшая высокой травой глубокая холодная канава. Вода в ней всегда мутная и тяжёлая, кажется, она своим густым сумраком поглощает звуки пасхального дня, словно и нет праздника. Но вода не везде такая. Ниже она стекает через глубокий ров к колхозному огороду по деревянным, жёлтым желобам. Здесь она совсем другая – искристая, весёлая, лёгкая, от свежего дерева беловатая, отчего кажется теплее и роднее.

Летом Марейка любит сидеть в жёлобе и, загораживая проток, копить воду за спиной; еле удерживаясь красными ладонками за свежие занозистые борта, она в конце концов, скатывается вниз, подгоняемая разыгравшейся водой. Здорово!

Дальше идти по канаве неинтересно: беззубый рот оврага страшно чернеет, а за забором из жердей работают в будни колхозницы – деревенские бабы, которые постоянно кричат до хрипоты ребятам, чтобы те не запружали воду, что им там нечем поливать капусту, что солнце всё сгубит.

Поднимаясь на гору, Марейка улыбается своим подружкам – Ире и Паночке. Паночка – красивая, у неё круглые, чёрные глаза и кудри, чего у Марейки и в помине нет, а ей так иногда хочется, чтобы у неё вились кудри и были круглые чёрные глаза, но ничего не поделаешь, остаётся только вздыхать. Однако можно и запутаться в подругах, если у всех вдруг окажутся одинаковые круглые глаза и кудри! Ире вон ещё хуже, она нынче и вовсе прячет лысину под платком – Марейкина старшая сестра Люба стригла-стригла Иру, то один бок короче, то другой, а вышло,

что подстригла наголо. Приходила Ирина мама, Любе было стыдно, она сидела, опустив глаза. Впрочем, чего Марейке горевать о кудрях и чёрных глазах, у неё русая коса, толстая и длинная, а глаза зеленовато-коричневые, как у мамы.

Девочки ждали Марейку, они со своими крашеными яйцами уже давно покончили, валялась одна шелуха.

– Покажи, чо принесла? – пристала Ира.

Марейка раздала девочкам по яйцу, не выпуская из рук жёлтенькое.

– А в той руке? – Ира велела показать спрятанное.

– Во! – Марейка раскрыла пальцы, и, казалось, яйцо засветилось солнышком.

– А-а-ах! – раздались дружные восторги.

– Ух! Какое бравое-то! Я таких сроду не видала! – прошептала Ира.

– Чем красили? – спросила Паночка, касаясь пальчиком солнечной скорлупы.

– Это Люба удумала! Загодя краску разводила! – рассказывала Марейка, любуясь яйцом.

– Дай, я скачу! – крикнула Ира, видимо, решив так отомстить Любе за наголо стриженую голову.

– Не-е –е! Не дам! Я Любу позову! – закричала Марейка.

– Вали, зови! – крикнула Ира, с силой вырвала яйцо и, чуть наклонясь, бросила его с горы.

Марейка закрыла лицо руками. Яйцо, подпрыгивая, полетело вниз. Девочки – за ним. Камень! Щёлк... – всё. Не склеить, не сшить... Марейка долго собирала белые с желтоватыми прожилками остатки солнышка.

– Кого утварила-то?! – Паночка глядела сквозь прищур длинных-длинных ресниц на расстроенную Иру.

– Я не виновата... эта – камень... – оправдывалась та.

– Не бреш! Ты нарочно хлётко бросила! – ответила Паночка, сурово глядя на подругу, потом обняла Марейку, успокаивая: – Не плачь, мы напрок¹⁴ много таких же накрасим!

– Угу, – согласилась Марейка, растирая слёзы по лицу.

Яйца было очень жаль. Марейка не отнесла его курам, а съела вместе с солёными слезами, хотя всё время давилась вязким желтком и долго жевала холодный горьковатый от краски белок.

Дома, поднявшись по высоким ступеням крыльца, надо пройти длинные сени, прежде чем перешагнёшь высокий порог избы. Гладко крашенные широкие половицы сеней излучают прохладу, и даже окно, выходящее на солнечную улицу, не может впустить столько тепла, которое бы развеяло прохладную тень. Крыльцо же нежится от обилия света, всюду солнечные блики; на крыльце спят и растут во сне котята и цветы. Здесь Марейка любила сидеть, смотреть картинки, рисовать. Сейчас ей, обиженной, ничего не хотелось.

Как всегда, на праздник в дом пришли гости, поздравляют всех с Пасхой. На счастье, из Тарбагатая приехала бабушка Елгинья – мамина мама. Она так редко гостит у них! Пришла и с соседней улицы бабушка Устинья – Марейкина крёстная. Раньше церковью не было, поэтому Марейку и всех её братьев и сестёр крестил уставщик дед Обсей у себя дома, погружая младенцев с головой в купель ровно по три раза.

– Баушка! – радостно вскрикнула Марейка и бросилась навстречу.

– Давай, поцалуемся – похристуемся! – проговорила бабушка Елгинья, крепко обнимая любимую внучку.

– Кака бравенька¹⁵ стала! Садись в серёдку! – гости залюбовались Марейкой, позвали за стол.

Марейка послушно села, опустив руки на колени. Чуть уловимый запах нафталина, исходящий от редко вынимаемых из старинных сундуков семейских нарядов, заполнил комнату.

– Пошто не ешь? Надуть маленечко поись, – сказала бабушка Елгинья, подавая Марейке пирожок. – С черёмухой, ешь!

– Спасибо, – чуть слышно проговорила она, надкусывая пирожок.

– Она у нас да шибко браво поёт! – похвасталась мама дочкой.

– Счас пойс, да и споёт, а пошто не? – сказала бабушка Устинья.

– Частушка! – объявила Марейка, вставая из-за стола. Она расправила платице и запела, приплясывая в такт:

На качели я качалась,
 Под качелию вода.
 Бело платье замочила,
 Мама розово дала! Эх!

Все захлопали, заулыбались, и Марейке стало радостно и весело. Как любит она петь!

– Ладно. Петь ты умеешь, а тепереча скажи – крестик носишь? – строго спросила крестная.

– Во! – Марейка за длинную шёлковую нитку с трудом вытянула из-под жёлтенького платяца медный крестик.

– Ты, доча, умница! А то нонча крестиков не носить. У Бога не верить. А ты, никогда не сымай! И у школу пойдёшь – не сымай! Ангел тебе будет помогать! – крестная погладила девочку по голове.

От бабушкиных рук и слов потеплело на сердце, словно сам ангел-хранитель прикоснулся невидимым крылом.

Стол ломился от всевозможных яств: пироги с печенью и черёмухой, вареники с творогом и картошкой, большая сладкая лепёшка с резными краями красовалась посередине стола. Сквозь розоватый хворост просвечивало солнце. До того он был тонкий и причудливо изогнутый, что хотелось его хрумкать, бережно оципывая с концов. Бабушки пили забелённый чай и тихо разговаривали, вспоминая старинную жизнь. Потом бабушка Елгинья с грустью сказала:

– Чижало стало жить у нонешним народи, шибко пьют! А как у Писании¹⁶ сказано – пьяница да ленивый на единой колеснице! Ох-хо-ох!

Семейская одёжа делает бабушек похожими на райских птичек – такая она цветная и яркая! Бабушки пели... Тяжёлые кички на старческих головах покачивались и кивали в такт словам, словно жили сами по себе. Марейка смотрела во все глаза и вспоминала, как долго мама завязывает кичку – сначала на голову надевает «рожок» – тёмного цвета шапочку, потом сверху на неё наматывает шаль так, чтобы спереди получалась корона, а сзади свисали бы кисти и концы. Ничего не скажешь – красиво! Ещё одну шаль мама набрасывает на плечи. Эта особо дорогая шаль, расшитая бисером и золотом, отцом подаренная. Марейке кичку носить ещё рано, зато у неё есть алые атласные ленты и расшитая бисером повязка для волос.

Брошки, пристёгнутые к кофтам, блестели, янтарные бусы тяжёлыми каплями падали вниз, а бабушки сидели и пели. Сходу не поймёшь, о чём поётся в этих старинных песнях! Разобрать можно лишь начало, потому что оно говорится, а потом слышится одно лишь: «о-о-о-ё-ё-ё!» Как Марейке хочется узнать, что же дальше-то? «Не вейтися, чайки, над мо-ё-рем!» – запекает мама, дальше все подхватывают: «Вам, бедынькам, не-е-куда сесть». И-и-и полилась, полетела песня, защемило что-то в груди. Дух семейских сквозит в каждом слове, в каждом переливе. Берedit сердце старинное пение. Марейка сидела среди бабушек, вслушиваясь в слова, когда её позвала Люба:

– Э-эй, девка, зайти в куть¹⁷! – велела она, махнув рукой: – Покажь тот яичко! – Но Марейка тут же спрятала руки за спину.

– Доставай, бум битца! – сказала Люба и крепко зажала в кулаке биток – яйцо, по которому бьют.

– Нету, съела, – тихо проговорила Марейка, опустив глаза.

– Не бряши! Я знаю, ты их не любишь ись! Кто отобрал? – допытывалась Люба.

– Ирка разбила, – прошептала Марейка на ухо сестре.

– Ладно, потом поговорим! – сказала Люба, потому что услышала, что её зовёт мама.

– Марей-ка! Иди играть! – закричали в то же время подружки за окном.

Раз-два! И Марейка на улице.

– Играем в прятки! На золотом крыльце сидели: царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной. Кто ты будешь такой? Говори поскорей, не задерживай добрых и честных людей! Скорей, скорей, скорей! Паночка, голя! – кричит на бегу Ира и прячется.

Перепрыгнув через высокое бревно возле дома одинокой бабки Василисы, Марейка подбежала к недавно привезённому из лесу возу жердей. Забралась на самый верх, свежая кора с липкими комками жёлтой смолы легко отдиралась, заголяя обречённое дерево.

– ... девять, десять! Я иду искать, кто не спрятался, я не виноват!

Марейка заторопилась пролезть в дыру, которую заметила между чёрным дряхлеющим забором и большим верхним свежим стволом. Густой запах погубленных деревьев заглушал даже звуки. Сжавшись в комочек, опустив голову ближе к коленям, Марейка радовалась, что так удачно спряталась – ни за что не найдут! Вдруг она почувствовала, что потревоженная её верхняя жердина стала съезжать вниз. Сжимаясь крепче, она услышала крики: «Задавило!»

Марейка была совершенно здорова и в упор глядела на жердину, которая могла ударить её по голове. Сердце под жёлтеньким платицем испуганно билось. Бледное лицо матери склонилось над Марейкой. Потом все – мама, папа, старшая сестра Люба – гладили её, проверяя руки, ноги, голову, целовали, жалели. Вышедшая из ворот бабушка Елгинья качала головой, опираясь на тонкую палку, и удивительно напоминала больную перепуганную птицу. Так подумалось девочке, и она устало закрыла глаза.

Больше в этот день Марейка не играла, она умылась и легла спать в горнице. Широкая деревянная кровать с резными спинками, высокий жёлтый шифоньер, тяжёлый тёмный шкаф и мамин расписной сундук – всё это любила Марейка, здесь она быстро успокаивалась и засыпала. Горница – летняя комната, поэтому в ней нет печки. Зимой здесь замёрзнешь, а летом – просторно и прохладно. Стены и пол расписаны волнистыми узорами – это сохранилось с давних пор. Красиво! Марейка всё время смотрит на эти рисунки и не может насмотреться! Что это за дивные птицы на красных лапках, замерли, изогнув тонкие шеи? Мама говорит, что это петухи, но они совсем не похожи на их Петю-петуха. А эти выющиеся стебли невиданных растений? Как складно перемежаются цветы, листья и бутоны!

Уличные ставни в горнице никогда не открывались, поэтому даже в самую жару здесь прохладно. Сейчас с высокого потолка, выкрашенного белой краской, доносился шум ливня, падающего на железную крышу. Ветер застучал в окна, омывая ставни ночным дождём.

Марейка уснула быстро, и как не пытался напугать её ночной ветер: и в окно стучал, и на крыше чем-то бряцал, и тучу с дождём пригнал – всё бесполезно! Марейка спала. Мелко-мелко вдруг задрожат реснички, и опять девочка тихо спокойно дышит. Что ж, и Слава Богу! Это он, Марейкин ангел-хранитель, рядом с ней. Это он спас сегодня её, он и сейчас её охраняет. Он светлый, добрый и очень любит Марейку.

4.

Она проснулась и сразу же вспомнила вчерашний день. Как жалко, что уехала бабушка Елгинья! Теперь, наверное, приедет только на Троицу, или они с мамой к ней в гости поедут, а может, все вместе поедут в лес кумиться¹⁸.

Марейка любит бывать у бабушки. Сначала они с мамой поедут на попутке до Тарбагатая, а потом долго-долго будут брести по деревне до Банновой улицы, которая находится аж «за камушком».

У бабушки в доме уютно и чисто: на зеркалах висят расшитые птицами рушники¹⁹, повсюду на стенах – подушечки и карманы, присборенные синими и красными лентами, на полу – вязаные круги. А самое сокровенное – бабушкин сундук, в котором лежит длинный самотканый пояс, на ощупь – жёсткий – весь в узорах, рядом цветастые рубахи, сарафаны, шали, пахнущие нафталином, и янтарные бусы. Как хочется подольше порыться в сундуке, примерить на себя семейскую одежду, поиграть бусами!

На стене висит портрет дедушки. Марейка его никогда не видела, он умер, когда Марейкина мама была такая же, как она сейчас. У него чёрная борода и серьёзные глаза. Какой он был, её дедушка Осип?

Троица – торжество Духа Свята! А и праздник русской берёзки. Все листочки в лесу распустятся, и наступит лето. Последнее лето перед школой! Бабушка рассказывала, что в день Троицы Бог послал на землю Святой Дух, и поэтому, если Святой Дух сойдёт на кого-нибудь, тот человек становится любимым у Бога. Но это надо заслужить.

На Троицу дом украшается зеленью. Они с Любой пойдут в лес и нарвут веточки берёзки, чтобы поставить по углам в избе и горнице.

Приятным лесным запахом заполнится дом! Берёзка – кумушка! Поэтому, когда придут гости, то все будут кумиться – меняться крестиками, есть яишню, пироги и лепёшки, потом петь песни, а Марейка станет плясать под гармошку! Ведь Саша так задорно научился играть плясовую! Она споёт свою любимую частушку:

Я семейскою была,
Я семейской буду!
Свой семейский сарахан
Сроду не забуду! Э-эх!

Марейка спрыгнула с кровати и тут же пропела, покружилась, потом рассмеялась, глядя в зеркало.

Как приятно утром выбежать из сонной горницы во двор, где солнышко уже нагрело широкие половицы крыльца, и посидеть, погладить, мягкие уши Тузика, поглядеть на вечно гордящегося чем-то петуха, на пятнистых котят, игривых, тёплых, царапающихся. Протянуть ладони, руки к солнцу, к заспанным глазам, к спутанным вялым струям волос.

– Цы-ы-ы-ып, цып-цып-цып-цып-цып! – расставив руки, бабушка пытается обманом выманить шустрых кур, проникших каким-то чудом в огород, к недавно засеянными грядкам.

– Кы-ы-ышшш! – чёрный ком земли летит под перепуганное кудахтанье. Наконец, куры под надзором петуха затихают и принимаются чистить пёрышки.

В тени, возле забора, зеленеет застенчивая молодая крапива. Сидеть, глядя на утренний мир, так хорошо, но... вечно сидеть не будешь. Надо идти в дом.

Сегодня воскресенье. К брату Гоше пришли друзья Володя и Паша. Уселись на кухне, хохочут, обсуждают, что случилось вчера вечером. А вчера вечером была драка возле качелей на горе. Парни пили вино и храбрились друг перед другом. Марейка видела, как у Гоши текла кровь изо рта. Что здесь смешного? Это грустно и больно. Принесли из погреба грибы, огурцы, едят и смеются. Гоша взял Марейку к себе на колени, он любит её и жалеет, она ведь самая маленькая. От брата пахнет вином, и Марейка незаметно убегает подальше. Гоша учится в городе, теперь у него есть девушка. Марейка видела её – тоненькую, с длинными волосами. Какая она, интересно, – добрая?

Отец постоянно говорит Гоше, чтобы он не пил вина, ведь семейские никогда не пьянствовали. Гоша смеётся и соглашается. Он такой красивый: волосы – каштановыми кольцами, зелёные добрые глаза и улыбка, самая лучшая на свете. Марейка считает, что он её больше всех любит, конечно, после мамы. Один раз Марейка, когда все обедали, села на корточки в маленьком коридоре, соединяющем зал с кухней, и загадала: кто с ней заговорит, тот больше всех её и любит. Все проходили мимо, и никто, кроме Гоши, её не пожалел. Марейка тоже любила и жалела брата, и совсем не хотела, чтобы он умер от вина. А ведь отец ругался: мол, помрёшь от вина. Бабушка же говорила, что пьют ленивые. Значит, брат ленивый? Но это неправда! Гоша любит работать! Просто они, молодые парни, пьют, потому что так развлекаются, так радуются жизни. Хотя какая радость в вине?! Вино так противно пахнет! Лучше пойти погулять или съесть конфетку!

По другую сторону речки возле магазина есть глубокий отрывистый ров. Он лежит у подножия плешивой горы Плешухи. И если посмотреть вверх, то эта гора напоминает согнутую спину огромного рыжего великана-зверя, уснувшего в своё, каменное, медленное, отличное от человеческого, время. Казалось, зверь живёт, движется по своим великанским временным меркам. Вот это каменное чудище поднимет лапу, другую, голову, но, наверное, только Марейкины прапрапраправнуки увидят это и подумают, что так было всегда. На спине у чудища прорыли ямы и берут оттуда гравий, чтобы засыпать па улицах грязь. На брюхе чудища – лес, вечно спрятанный от солнца, тёмный и страшный. Сюда девочки не ходили никогда. А на Плешихе ты как на ладони – все тебя из деревни видят, – не страшно, но, опять же, и костёр не зажечь.

Подруги любили ходить ранней весной в другое место – за канаву, где уютном ложке зеленеют и цветут кусты вербы, а под ними распускаются и первые подснежники. Девочки идут к вербе,

утопая в высоком водянистом снегу, чтобы надышаться весной. Вербушка, верба! Тонкая, гибкая, чуткая, первая тянется к весне, первая чувствует перемену. От вербы идут дальше, еле вытягивая ноги из вязкого глубокого снега, идут за колхозный огород, к лугу. Там сосны, там тихо, спокойно. Дым от костра пропитывает весенний дух, и всё вокруг удивительно хорошо. Туго набитый чистый снег в котелке над костром тает, из белого становится бесцветным и, наконец, постепенно превращается в воду. Перемазанные чёрной от углей картошкой, но довольные девочки спешат домой.

Шагая из магазина с пакетом конфет, Марейка захотела в лес, к костру. Но сейчас никого не дозовёшься, и потом, когда снег, тогда интересней – воду в гору нести не надо. Сейчас другие дела. Завтра пасти телят.

Телят пасут по очереди, от дома к дому. Надо вставать рано-рано, сразу за коровами и телят погонят, а пастух собирает коров на ранней зорьке. Пасти вообще-то неинтересно, но если редко, то можно. Брат Саша всегда что-нибудь придумает. Будем или играть в слова, или загадки загадывать, например, такие: в том доме живут старик, две дочки и есть собака. Надо отгадать, кто это такие: если трудно, то можно спросить: на какой улице: на нашей – Баргузе или в Барахолке, или на Трахту, или в Богатом крае, или в Аргуне? Улицы так раньше назывались, теперь они называются по-другому: Первомайская, Кирова, Ленина, но их никто так не называет, только пишут на конвертах, а называют по-старому. Есть ещё такая загадка, её никто не может отгадать, конечно, кроме мамы: «На небе есть, на земле нету, у бабы – две, у девки – нету. У барана – впереди, у собаки – всередине». А это просто буква «б»!

Телят погоним к плоткам – деревянным настилам у оврага, там трава сочная, густая. Надо будет прогнать вдоль колхозного огорода по лесу, где трава блеклая, кучерявая, мелкая, усеянная малиновыми кружочками чабреца. Почему запах этой травы навевает грусть?

Пока туда-сюда прогонишь, так и время пройдёт до обеда. Потом к речке – поить телят. Тут они бегут с горы, задрыв хвосты, взбрыкивая, брызгают из-под копыт комьями земли, режут что есть мочи. Это к ненастью, так говорила бабушка. Пьют не сразу, успокаиваются, отдёргивая влажные, обтянутые упругой кожей носы от холодного ручейка. Когда напьются, телят сгоняют в загон, в тень. Пастухи идут на обед. Жарко. Ноги преют в тяжёлых сапогах, а с утра надетые куртки сброшены и теперь болтаются вниз рукавами, повязанные на бёдрах. После обеда отдых, пойдут пасти другие. Свежий борщ, зелёный лук, чёрный хлеб – вкуснота! Теперь можно полежать в застени²⁰, а вечером – на песок. Где узенькая речка, изгибаясь, уходит вниз по течению, там песок – это высокая крутая гора из крупного жёлтого песка. Дорога наверху, обрываясь резко вниз, повисла над кручей, но можно, если осторожно, не повредив ласточкиных гнёзд, сесть и съехать по обрыву вниз, к речке. Это совсем не то, что с ледяной горки! Это песок! Вжик и у-у-ух! Потом, конечно, умыться надо!

С утра пасти лучше, время быстрее проходит, после обеда жарко, а вечером – комары. И вечером же надо вовремя согнать телят, напоить их и – по домам. Надо, чтобы телята не успели встретиться с коровами, иначе высосут молоко, а пастухов хозяева разнесут на клочки. Поэтому надо пригнать вовремя. Вот сестра Люба всегда смотрит на противоположную гору, где пасутся телята с Тракта, если они сгоняют, так и мы начинаем сгонять. А вдруг они тоже на нас смотрят? Тогда лучше смотреть на часы.

Коров пасут на калтусе – на далёком сыром лугу, и в стаде обязательно есть пороз – огромный бык, который все время ревет, склонив лобастую голову, и норовит всех забодать. Он такой страшный! Все его боятся, а дети – особенно.

Марейка пришла, когда пьяные парни расходились, только Паша остался и громко что-то говорил, размахивая руками, кажется, он уговаривал Гошу пойти с ним или же просил гитару. Марейка смотрела на него и думала: «Почему пьяные ничего не понимают? Лучше б он шёл спать, чтобы быстрее протрезветь!»

5.

Сегодня мама шьёт белый фартук для Марейки. До школы ещё далеко, но потом может быть и некогда. А если говорить честно, то это выкланчила Марейка – в школу надо готовиться заранее.

Фартук с бахромой и белый-белый. Старинная ножная машинка в виде узкого ящика: надо плавно нажимать педаль, тогда иголка слушается и строчка получается правильная. Колесо внизу справа ходит туда-сюда, туда-сюда, аж в глазах рябит. Рядом на низком окошке герани недовольно качают головами и, когда машинка стучит, вздрагивают и снова царственно умолкают, с тоскою глядя на одну и ту же картину за окном: крупный дождь шлёпает в широкую лужу. На улице грязно, пусто, редко прошмыгнёт кто-нибудь, укрытый дождевиком – один нос торчит, и опять тихо, только дождь: кап-кап-кап-кап-кап.

Если же проедет машина, то это целое событие! Дрожат стёкла, трещит маленькое радио, а за окном в движение приходит вся широкая лужа: переполняясь, она волнами подходит к забрызганным брёвнам избы, проливается ручейками во двор, и долго ещё будет успокаивать её дождь: кап-кап-кап-кап-кап.

И опять сонно, тихо. В доме стучит машинка. Марейка смотрит на маму, на нежный, милый овал лица и спрашивает:

– Мама, а мне придано²¹ ты када шить будешь?

Мама обрывает зубами крепкую нить и, качая головой, улыбается. Все смеются. Но что же здесь смешного? Ко всему надо готовиться заранее.

Приходит с улицы отец и говорит, что, как земля подсохнет после дождя, так они поедут в лес заготовливать дрова на зиму. Марейку брат Гоша и отец берут с собой всегда.

Гоша пилит деревья «Дружбой» – бензопилой, она тяжёлая и может вжикать на разные голоса: то тонко и пронзительно, то спотыкается, как буксующий, увязший трактор. Пила новая, далеко пахнет бензином и блестит зелёным боком, когда Гоша приподнимает её двумя руками. Он закусывает губу, напряжённо сводит брови и наклоняется всё ниже с пилой, режущей ствол дерева, как нож масло. Дерево падает, жалобно плача и сотрясая округу. Отец рубит сучья, раздирая руками запутавшиеся ветки – готовит бревно к распилке на чурки. Марейка наблюдает за всеми и помогает маме варить чай и суп. Чай из брусничника, суп из баранины. Все довольные, а Марейка больше всех, – ей Гоша принёс жарки и мягкое радужное пёрышко рябчика. Вот так подарок! Хрупкие жарки повесили нежные головки – их надо в воду, а пока можно завернуть в мокрую тряпку и положить в тенёк. Марейке очень хочется их сберечь! Цветы-солнышки! Ей жалко сорванные цветы.

Комаров в лесу много, так и пищат, и жалят. Марейка протягивает руку – кусай! Комар долго мостится, наконец, уселся, опустил вниз хоботок, брюшко приосанил и пошёл наливаясь краснотой. Марейке больно, она терпит, сколько может, потом смахивает комара. А к вечеру они совсем одолевают. Через голяшки в сапоги пробираются! Гоша разводит дымокуры – дым сплошной, комарам это не нравится, и они, гудя, улетают.

– Я сама хочу разжечь модыкур! – кричит Марейка.

– Как ты сказала: модыкур? – переспрашивает Гоша, и все смеются, а брат тут же хватается за Марейку, подбрасывает её высоко вверх, к вершинам сосен, к небу.

– Хошь заброшу вон на ту ёлку? – спрашивает он.

– Не-е! Ма-ма! – Марейка просит пощады.

Наконец-то едут домой, машина нагружена до верха, все оставшиеся бревна распилены, уложены в низкие широкие поленицы, до следующего приезда.

А дождь на улице всё не утихает, гулко постукивает в запотевшее окно. Тихонько Марейка напевает, тыча пальчиком в плач окна:

Капельти, капельти: три, четыре, пять.

Капельти, капельти! Вас не сосчитать!

6.

Утром все идут в огород полоть грядки. Солнце ещё не очень горячее, и гряды влажные от вчерашнего дождя. На межи кладут тряпки, чтобы не продавить колени мелкими камнями. Высокое небо – бездонно! Марейка слышит звон небесный.

Сестра Люба не любит, когда кто-нибудь отвлекается:

– Полите чеснок! Солнце сейчас быстро подымица!

Чеснок – зелёный вершок с пальчик, а лебеда буйно растёт, смело покачивая бархатными стеблями – рвите, мол, рвите, я всё равно вырасту снова, где захочу. Вот я какая! Если её, вырванную, оставить на меже, она и солнца не убоится – заново прорастёт. Надо бросать её вверх корнями, нечего с ней церемониться! А лучше – в ведро свиньям! Те захрюкают, радостно чавкая и шумно встряхивая ушами, потом с благодарностью поглядят на Марейку, как бы говоря: «Вкусно! Неси ещё!»

Захватывая пальцами влажную землю, пропалывают девочки между всходами моркови, лука, чеснока. И сразу как посвежел огород – очистился от дурной и сорной травы, стал светлым, радостным.

– Ладом полите! Глаза бояца, руки делают! – говорит мама.

– Ой, ё-ё-ё-ё-ёй! – это говорят девочки, разгибая согнутые спины, жмуря глаза и растирая задеревенелые ноги.

Медленно идут к бочке с водой и моют перепачканные руки. Но скоро начинают смеяться и брызгаться. Бабушка кричит с крыльца:

– Перестаньте обливаца – опять дош наворожитя!

Девочки слушаются бабушку.

Редиска – самая первая, её уже можно рвать, растёт она быстро, гладенькая, кругленькая, розовенькая, так и просится сама в ротик, хвостик в сторону и – редиска за зубками.

Теперь бегом от колодца до ворот вдоль выбивающихся кустиков картошки, все они наблюдают за девочками, и им весело, что солнце, что чистое небо и чистый огород, чистая вода и чистый смех – открыт Божий мир.

– Э-эй, вечером – рвать батун²²! – Люба не бегом, а пешком, она старше, у неё серьёзное лицо.

Батун мама возит продавать в город на базар, рвать надо его с вечера, так как рано утром грузятся матрацы с батунном на машину – и в город. До города ехать часа полтора – час. До обеда надо продать, походить по магазинам, а к вечеру на попутке – домой.

Длинные узкие гряды батунна разрослись тёмно-зелёной шубой дружно, ровно. Здесь свой мир, своя семья. На небе солнце раскрыло алый веер зари, и повисшие облака раскрасились в нежные тона. Однако сырость, прохлада ложатся и царствуют повсюду – их время, их час.

Разводят дым от комаров. Широкими, отрывистыми клубами рвётся он во все стороны, потом, глядишь, потянулся лентой-змеёй вверх, затем опять дробится, рассыпается, словно в ладони кто-то ловит его. Хмурые, длинные усы батунна оббивают от налипшей земли о деревянные настилы и укладывают в широкие матрацы. Лук хрустит, выманивая слезу. У всех чёрные от земли носы (от постоянного вытирания). Мешки-матрацы перетаскивают во двор, к воротам, чтобы быстрее утром погрузить.

– Мама, я же с тобой поеду-ка? – спрашивает Марейка, хотя знает, что та не уедет одна. Ведь мама всегда возила и водила за собой свой «хвостик» – так она называла Марейку.

– Я же обудёнкой²³! Но ладно, завтра поглядим! – мама торопливо завязывала, перевязывала раздутые, хрустящие мешки.

Утром, проснувшись, Марейка оглядела комнату, залитую солнцем. Улыбающаяся Люба села рядом, отодвинув цветастую занавеску.

– Люба, я видела сон – мама уехала одна, без меня! – произнесла Марейка, широко раскрывая сонные глаза и собираясь вот-вот заплакать.

– Вот, девка! Сон-то в руку!

– Не-е-е!

Быстро обежав дом, Марейка вернулась, затихла, уткнулась в подушку. Ох, лучше бы ей поплакать на руках у сестры! Известно, подушки – коварные подружки! Слушают-слушают, помалкивают, а потом ляжешь спать в хорошем настроении, а они тебе всё вернут, отдадут назад твои горести, слёзки, страсти-напасти, проснёшься – и голова болит, а с чего бы?

7.

Поплакать не удалось, прибежала Маруся с банкой, зовёт в лес, по землянику, пойдёт и Паночка, может быть, и кто-нибудь из больших. Собирается Люба, берёт бидончик. На голову платочек,

чтобы не залез клещ, на ноги обутки, чтобы не поранить сучком.

У края лес нежно-зелёный, пробежит тёплый лёгкий ветерок, вывернет наизнанку листочки на тонких берёзках, пахнет в лицо лесным духом. Здесь, на разморённых солнечными лучами полянках, земляничка уже красненькая и пахучая, давится в пальцах. Трава тут низкая и надо сесть на корточки, пригнуть голову почти совсем к земле и смотреть внимательно вокруг, сразу столько увидишь земляники! Там красно, там красно и там, только успевай собирать. Ближе подлетают птицы, трещат, здесь, видимо, их места, на лакомство оставленные ягоды. Раздвигая ветви, чтобы пролезть за ягодкой, Марейка подцепляет на нос паутинку, тьфу, противно: и руками её, и слюной, лишь бы поскорее убрать с себя эту тонкую, липкую нить. Паутины в лесу – тьма. У каждого паука – своя. В тени, где высокая трава, ягоды крупнее, хотя белобокие и кислые, но попадаются среди них с таким особенным вкусом, что от наслаждения щёку прикусываешь или язык, больно до слёз.

Люба наклоняется низко, берёт аккуратно, не спеша. У неё уже почти целый бидончик. А Марейка смотрит в свою пустую банку и нюхает, засунув туда нос:

– Ягод чё-то в лесу мало, – ворчит она.

– Збирай давай! Скоро домой! – говорит Люба, потом кричит: – Бегом суды! Я натрапила²⁴ на целый круг! – Марейка мчится на зов сестры.

Запах у ягод дурманящий, густой, приторно-сладкий, и хочется их есть, а не собирать. Но надо – дома будем стряпать вареники.

Зной и усталость выгоняют девочек из леса, и хорошо, что идти с горы, а не в гору! Люба кричит громко:

– Кто первый отгадает? В гору бегом, с горы кувырком?

И все хором ей отвечают:

– Заяц!

– Мо-лод-цы!

До того хорошо, что хочется лететь с горы: ноги еле касаются земли, ветер толкает в спину! С горы деревня вся как на ладони, во-он Марейкин дом, кажется маленьким, тихим. И мама, наверное, уже приехала, сидит, усталая, вытирает пот с лица, жалеет, что не взяла с собой Марейку, и думает, что больше никогда без неё не поедет.

Марейка крепко обнимет маму, станет жевать жёсткую городскую баранку и пить холодный кисло-сладкий городской квас, и будет всё хорошо. Люба тут же начнёт стряпать вареники, кислоющие, аж скулы сводит, и Марейка будет потихоньку макать их в сахар.

В деревню пришёл вечер и принёс с собой лёгкую прохладу, и сильнее запахла прелея земля. Пришла домой корова, покачивая раздутыми боками, объелась. Когда мама её доит, то говорит ей: «Тэ-э-эга, тэ-э-эга!», корова вертит хвостом-верёвкой, отгоняя надоедливых паутов, протяжно мычит, шумно встряхивает ушами и, хоть и сытая, жуёт брошенную ей траву. Говорят, что корова может есть до тех пор, пока не лопнет брюхо. Марейка этому постоянно удивляется, как это так?! Но удивляйся не удивляйся, у дяди Фоки в прошлом году корова объелась и лопнула. Марейка наблюдает в щёлочку: как бы наша не того! Вон её как раздуло! Равнодушно посмотрев в сторону переживающей Марейки, корова Зойка отрывисто мычит, подзывая телёнка Ваську, который стоит за перегородкой и, склонив голову, внимательно глядит. Подняв уши, напрягшись, он готов в любую минуту броситься вперёд, вот только ворота откроют.

Упругая струя молока, поднимая пену, бьёт в подойник, зажатый в маминых коленях. Потом молоко будут процеживать в банки и отнесут вместе с запахом тепла коровушки-кормилицы по тяжёлым ступеням в тёмный, сырой погреб, где даже летом лежит лёд. Парное молоко Марейка не любит, наверное, потому, что не любит его мама. Мама во время войны с 16 лет работала на ферме дояркой и так, видимо, тогда напилась парного молока, что теперь его не пьёт. А Марейка не пьёт потому, что не пьёт мама, всё очень просто.

Телёнку в конце концов открывают ворота, корова мычит, а он с разбега тыкается в пах матери и сосёт, с силой поддавая вымя.

Пока отец закрывал уличные ставни, пока протяжно плакали ворота, пока скулил Тузик и бил с

силой хвостом о землю, просясь с надоевшей цепи, вечер сменила ночь. Последний стук дверной щеколды до утра.

8.

Сегодня особенный день – покос. Утром рано-рано отец, Гоша, Саша и дядя Лёня, пока не обсохла роса, начали косить. Босиком в огороде за заплотом сыро, ноги мёрзнут и, чтобы к тому же не обжечься крапивой, лучше обуться. Надо хорошенько разглядеть, сколько же скошили. Марейка забирается на высокий заплот, садится на столбик, откуда всё видно. Вот Гоша, какое у него красное лицо, и рубаха развеивается, а коса как на пружине отскакивает и свистит: «в-жжжж-ик». Отец пьёт из большой банки ботвинью. Дядя Лёня, присев на корточках, отбивает косу, потом кричит Марейке:

– Иди-и-и, подсобляй!

Вытянув шею, Марейка ищет, где Саша? А-а-а, вон он, устал, лежит в траве, ногу на ногу забросил. Лежит, наверно, мечтает, новую музыку сочиняет.

Шумит, колышется ещё стоячая трава, играет с ветром: то зелёным боком повернётся, то серо-коричневым. Знает ли она, что скоро упадёт, срезанная? Какими ровными рядами лежит упавшая, присмирела, солнцу безропотно отдала свои рослые косы, не шумит уж, не колышется. Теперь ей сохнуть. И пойдут женщины с граблями и палками ворошить её, разбрасывать, переворачивать, не дадут покоя, пока не поделят на маленькие копёшки всё рассыпанное теперь сено. Небольших копёшек будет много, весь покос станет топорщиться ими.

Отец пригонит коня из колхоза и будет обводить его вокруг копёшек, держа коня под уздцы, а в это время мама станет с силой подпихивать верёвку под самый низ копны, затем встанет на неё ногами сзади, руками обхватит её всю, и поедут к месту будущего зарода. Там с вилами Гоша равномерно укладывает сено, утаптывая его ногами. Марейка тоже прыгает что есть мочи – помогать так помогать! А прыгать надоест, можно скатиться с зарода, можно сесть верхом на коня, а можно поиграть в прятки за копнами с соседскими девчонками, которые, ясное дело, подглядывают, им завидно, у них уже сгребли и сметали сено в зароды.

Покосчики опасливо смотрят на небо – надо успеть до дождя. Быстрее гоняют коня, который попадает в ямки, верёвка срывается – уползает вверх по копне, и половина сена остаётся в поле. Его тут же хватают руками, волочат к ближайшей копне. Ветер дует сильнее, разнося повсюду лёгкое сено. Все бегают, кричат, суетятся. Дождь падает на лицо, на потные спины, на лохматый зарод. Гоша ловчее всех управляется, ох и любит он работать! Дождь – сильнее, ветер резче. Сметанный зарод быстро укрывают брезентом, придавливают жердями, бегут во двор, под навес. – О-о-ой, bravo-та! Дождь-то какой! Благодать! – бабушка гладит Марейку по мокрой голове, глядит синими глазами на дождь, который стекает струйкой в широкую бочку.

Грохочет совсем близко над головой, бабушка молится, потом выбрасывает под дождь чугунную сковородку, на случай, если пойдёт град, то чтобы он, разбившись о сковородку, превратился бы в простой мелкий дождь.

– А молонья-то как сверкает! – говорит она, перекрестясь.

Скоро гроза проходит, заметно светлеет, грохочет уже где-то далеко.

– Эх, наверху всё синя! Оттуда потопа идёт! – щурясь, отец глядит на восток.

Потопа – это самый настоящий потоп. Мчась быстро и смело, чёрная, бешено бурлящая вода, разливаясь широкою рекою, смывает всё на своём пути – никакие мостки не могут устоять; вода, вгрызаясь в землю, подмывает рыхлый чернозём и податливую глину, отъедая большие куски покоса, и оставляет плачущий берег с открытой чёрной раной. Марейке вообразилось: однажды потоп, проглотив весь покос, сожрёт огород, двор и... дом. Хотелось закрыть глаза, заткнуть уши, чтобы ничего не видеть и не слышать.

Но услышала:

– Потопом Аброськину корову унесло...стельную²⁵, – вспомнила мать.

– Мама, а чё, правда, што корову унёс потоп? – в испуганных Марейкиных глазах застыл вопрос.

– Корова-то была лонишняя²⁶ – молода, а на реке половодье, вот и сбило с ног... – ответила мама, вздохнув, потом успокоила: – Видать Богу так угодно...А ты, теперича, спи, – и тихо запела

нежным голосом:

Баю, баюшки, баю.
 Живёт Хвёдор на краю,
 Он не беден, не богат:
 Полна горница ребят,
 Полна горница ребят,
 Все по лавочкам сидят.
 Все по лавочкам сидят,
 Кашку маслену едят,
 Кашка масленая,
 Ложка крашеная.

Через пять минут мама тихонько снимала с Марейки мокрые ботиночки, долго развязывая тугие намокшие шнурки.

9.

Как в сказке, наутро речка тихая, маленькая, окружённая липким серым холодным илом, певуче журчит по мелким камушкам, и в прозрачных струях играют солнечные лучи.

Девочки тут как тут. Маленькие ножки Марейкии месят хлюпающую вязкую глину. Босые ступни быстро всасываются в холодный ил.

– Ой-ё-ёй! Помогите! – кричит Марейка, пытается вытащить ноги, размахивая руками, а побелелые пальцы зажали, как клещами, резиновые сапожки.

Она тянет вверх вспученную трескающуюся массу – ноги ни в какую! Ну-у-у! Наконец-то вылезла! Всех перепугает эта Марейка! А оставшиеся в иле ямки тут же заполнялись, выравнивались, поглощались, словно живым илом. Теперь – вымыть ноги в холодных тенистых ключах до покалывания миллионами острых игл!

Чтобы согреться, девочки выпрашивают у неба:

Солнышко, солнышко, выгляни в оконышко!

Твои детки плачут, по камушкам скачут...

– Марейка! – прерывает песню Паночка.

Она стоит у забора и смотрит лукаво, хитро, просвечивая острыми глазками сквозь густую чернь ресниц.

– Слышь? Айда с нами! Арбузы привезли!

Надо сказать, что арбузы привезли не в магазин, не к девочкам домой, нет, арбузы привезли на колхозную свиноферму для поросят. Эту ферму колхоз выстроил совсем недавно здесь, на Марейкиной горе. Теперь, слышен визг поросят, тут же в лесу вырыли длинные ямы и бросают туда дохлых. Жалко, ведь как цветёт там фиолетовой шапкой багульник! Теперь его рвать нельзя, а раньше, ещё той весной, девочки собирали влажные от росы нежные цветы в платки, повязанные на поясе, дома пересыпали сахаром и ставили в погреб для охлаждения, потом ели щепотками сочные голубовато-фиолетовые хлопья – вкусотища!

Теперь и кашку-ромашку есть стало страшновато, и кисличку на канаве, и кисточки у лиственницы, если вот только саранки, они далеко, на скале. Теперь здесь кочегарка кадит чёрным дымом, и пахнет разлагающимися трупами. Летают большие наглые чёрные вороны. Проходя мимо, люди невольно затихают... Но девочкам не грустится, у них на уме арбузы. Колхоз должен давать стране мясо, много свиного мяса. А посему для поросят и привозят в колхоз большими машинами арбузы. А арбузы, как известно, в Сибири не особенно растут, поэтому для здешних детей арбузы, хотя бы и предназначенные для поросят (чем поросята лучше?), большая редкость. И кто-то сказал, что эти арбузы вполне даже можно есть и людям (слышали, что кто-то ел и ничего), поэтому девочки ждали, когда привезут, чтобы потихоньку от сторожа взять и попробовать.

Тайно выйдя из дома, девочки Ира, Паночка и Марейка с большими сумками пошли по полю, попадая резиновыми сапожками в сырые ямки от недавнего дождя. Из кучи сваленных возле кочегарки арбузов выбирали не совсем испорченные, хотя перемазанные скользкой гнилью,

плоды. Тут резкий окрик сторожа – девочки бежать. Торопливые слова Паночки: «Замиличит! Ой, замиличит!» бились страшными крыльями за спиной. Отдышались, когда миновали канаву. Арбузов же в сумках не оказалось: Паночка свой бросила на поле, чтоб быстрее бежать, Марейка выбрать не успела – лишь перепачкала вонючей слизью руки, Ира долго держала свой, всё поле пронесла, у самого края споткнулась, уронила, разбила, и красные половинки, перевернувшись в рыхлой земле, стали чёрными. Вот и сходили за арбузами!

Теперь же умывшись, Марейка легла на узкую бабушкину кровать, стоящую в углу возле умывальника, и забылась тяжёлым беспокойным сном. Очнувшись от прикосновения к голове бабушкиной руки; как всегда, она о чём-то молилась – отгоняла плохое чистым словом.

– Ты пошто меня спужалась? – старческое, узкое лицо в продолговатых глубоких морщинах и синие глаза.

– Бабушка, мы по арбузы ходили, а нас сторож погнал. Ирку чуть не поймал, когда она осклизнулась, но мы оттэль убежали, – рассказала Марейка, её сердце до сих пор трепетало от воспоминаний.

Бабушка всё поняла:

– Вставай! – позвала она Марейку к умывальнику и быстро зашептала, умывая девочку:

– С гор беги вода, как с рабы Марии вся худоба! – затем, вытирая запоном лицо, подвела к божнице и сказала:

– Вставай на коленки и будем Богу молица. Пошто пошла крадчи? Кто самустил²⁷? – ворчала она.

Внучка помалкивала. Помолвившись, они вместе сели на кровать. Марейка прижалась к бабушке, потом поцеловала. Удивительно, почему у старушек кожа кажется грубой, но стоит прикоснуться губами, так она окажется нежной и мягкой?

– Баба, а ежли бы мне такой сон приснился, надо была молится? – спросила Марейка.

– Всё равно молись. Лишня не будить! – ответила бабушка.

Был ли это сон или это была правда? Да, правда! Вот она Марейкина рука, а если встать на цыпочки, то в зеркало в умывальнике можно увидеть светлую макушку, лоб, глаза и кверху тянущийся нос, всё наяву. Вот бабушка в станушке (нижней юбке) и рубахе сидит на кровати: маленькая, острые плечи выпирают вперёд под тяжестью круглого горба. Марейка даже чётко различила малюсенькие крестики, вышитые на рубахе у ворота. Бабушка говорила, что это от сглаза. Как Марейка раньше не замечала, что она старая и может умереть? Все внучкины мысли бабушка как-то узнала опять:

– Вот помру, вы меня поминайте, не забывайте.

Марейка села поближе, обняла бабушку и прижалась щекой к её морщинистым рукам.

10.

Грустно и радостно, что кончается лето, грустно оттого, что ЛЕТО кончается, радостно оттого что КОНЧАЕТСЯ лето, что Марейка нынче пойдёт в школу. Она сегодня утром видела туман, а это значит – конец лету. Так говорит мама. К тому же скоро праздник Успенья, после него – мамин день рожденья, а там и осень придёт.

Лето – лёгкое, быстрое, прекрасное. С детских загорелых пальцев унёс ветер запахи летних долгих и коротких дождей, щедрых осенних плодов. Сейчас в руке цветы: скромные бордовые георгины склонили прекрасные головы, астры же, наоборот, вытягиваются макушечками вверх – выглядывают, а тихие анютины глазки и ярко-жёлтые остро пахнущие гвоздики дарят Марейке свой душистый дивный мир.

Однажды Люба брала Марейку с собой в школу. Там длинный коридор, с одной его стороны – окна, с другой – двери, много двойных дверей. У Марейки всё уже готово, чтобы пойти учиться в Десятниковскую среднюю школу, – форма и портфель. Форма – это тёмно-коричневое платье и два фартука, для праздника – белый, для будней – чёрный. А в портфеле есть всё, всё, что нужно для ученицы первого класса восьмилетней школы. У портфеля блестящие замочки – щёлк, и открылся! Внутри два отделения и снаружи ещё два кармана для разных мелочей!

Все смотрят на Марейку по-другому, как на большую. И грустно, и радостно. Тузик затрусил

прочь, теперь Марейке не до игр с ним, и петух уже не такой горделивый, понимает, что Марейка почти что школьница. Что же изменилось? Почему солнце уже не так нагревает широкие доски крыльца? Неужели осень, и лето прошло? Просто все понимают, что теперь у Марейки наступает новая жизнь, её ждут новые дела и новые заботы.

Беглянка *Повесть*

Без мамы

Отчего вода не убывает? Не исчезает совсем? Она течёт, она плывёт, она движется, но всё так же как будто остаётся на месте – удивительно. Ведь если смотреть на одно и то же место на воде долгое время, то ты почувствуешь, что время остановилось, что ничего не меняется, что было так всегда и будет. Отчего же? Совсем другое дело, если ты бросишь в воду палочку, смотришь – она здесь, а потом смотришь – её уже унесло далеко-далеко. Э-э-эй! Вода-вода, водичка!

Марейка наклоняется низко-низко, опускает руки почти по самые локти в прохладную воду и улыбается: хорошо жить рядом с водой! Когда захотелось поговорить с ней, посидеть возле неё, так – пожалуйста, сиди и говори. Захотелось искупаться – то плескайся сколько хочешь – вся она твоя, вода-водичка, никогда она тебя не прогонит, никогда не предаст, никогда не обидит. Она – спасение. И как легко возле неё! Всё она понимает, всё прощает, всё в себя забирает: всю грусть, всю печаль, и топит глубоко-глубоко в зелёном омуте.

Сейчас Марейкесе грустно. Грустно, что уехала мама, и Марейка осталась одна. Она бежала за мамой долго. В глазах помутнело, в горле пересохло, и ноги ватные уже и не слушались, а Марейка всё бежала и плакала. Как же она без мамы?! Но автобус уже ушёл, она опоздала. За Марейкой следом бросилась Валя на велосипеде. Опасно одной в лесу и можно заблудиться, уж Валя-то знала, она всю жизнь прожила здесь, в лесу, возле реки, в стороне от проезжей дороги. День клонился к вечеру. Красная заря перемешалась с пылью и теперь кровавыми кругами стояла перед глазами девочки то ли от быстрой езды, то ли от переживания, что не догонит беглянку. Всё же Валя догнала Марейку почти у самого шоссе – рейсовый автобус уже ушёл, и даже улеглась пыль после него. Марейка сидела одна на пустой остановке и горько плакала. Её лицо было грязным, волосы расплелись, платье помялось, на кофте была грязь – потому что, запинаясь, Марейка падала, но вставала и бежала снова – надо успеть за мамой. Однако не успела... Мама уехала одна.

Девочки встретились глазами, Валя отвела взгляд, ей было очень жаль маленькую Марейку, свою двоюродную сестричку, которая жила далеко и редко приезжала к ним в гости.

На этот раз они так обрадовались друг другу при встрече, так заигрались, что не могли расстаться, когда мама позвала Марейку ехать назад, домой. Дядя Евдей, отец Вали, уже запряг рыжую кобылу, чтобы отвести маму на телеге до автобуса. Как тогда не хотелось Марейке уезжать! Ведь здесь лес особенный, здесь необыкновенные растут кусты – и боярка, и черёмуха высокая-высокая и дикая танечка, а рядом быстрая глубокая река Селенга. Чудо, а не жизнь! Пожить хотя бы чуть-чуть среди всей этой дикой природы! Дядя Евдей – пастух, и здесь, на заимке²⁸, большие загоны для скота. Никого нет рядом, здесь царствует только одна семья – дядя Евдей, тётя Маша, Валя и ещё совсем крошечная девочка Галя, которая только и делает, что лежит в своей кроватке и пучит чёрные круглые, как черёмушки, глазки. Всё притягивало Марейку здесь: и долгие изгороди жердей, и зелёные гладкие, словно стриженные, широкие поляны, и развесистые, густые, как на картинке, кусты, и тёмный, без электричества дом, где вечером зажигают свечи и лучины – всё, как было в давнюю-давнюю старину. И Марейка отказалась поехать с мамой – она согласилась остаться погостить здесь на какое-то время.

Но вот мама уехала, и такая тоска напала на Марейку! Ей остаётся либо прямо здесь, на остановке, лечь и умереть от горя, либо возвращаться назад и жить там без мамы. Марейка перестала плакать. Ей очень хотелось пить. Пыль забила рот, нос, глаза – умыться бы! К воде!

Марейка вспомнила воду, её свежесть, прохладу, доброту.

На минуту беглянке стало стыдно перед сестрой, что вот такая она маленькая, что не может без мамы, но Валя поняла её. Она подошла ближе, нагнулась, хотела застегнуть сандаля на ноге у сестрички и обнаружила, что та от быстрого бега порвала все ремни на новых сандалиях.

– Садись, поехали назад, а то скоро стемнеет, – Валя встала и подвела маленькую Марейку к своему велосипеду. Так они и вернулись назад.

– Приехали! Пойдём, умоемся, – Валя повела девочку к реке на тот плёс, который днём, когда сияло круглое солнце, так очаровал гостью. Сейчас он смотрел усталым чёрным глазом и стонал, выдыхая тепло влажным языком песка и камней.

Валя села на корточки и быстро принялась смывать грязь с рук, с коленок, с лица. Потом не выдержала – сбросила платье и нырнула в тёплую, как парное молоко, воду. Марейка так и замерла – в сиянии ночных подсветок неба плавала зелёная русалка – её сестра. Гибкое тело, длинные руки сплелись верёвками-волосами, и всё это трепетало, жило, ликовало. Она слилась с водой, с её стихией, растворилась и словно стала пеной. Марейка стояла и смотрела, замороженная: её сестра – русалка, волшебница.

– Я тоже так хочу! – крикнула Марейка, но не услышала своего голоса. Как странно. Вода же шумела, стучала пенными коготками о берег, царапала сандалии девочки и чего-то требовала от неё.

– Ва-ля! Ма-рей-ка! Где вы? – издали донёсся голос тёти Маши. Скоро из темноты появилась она сама, держа в руках подойник с молоком. – Айда ужинать и спать, – она обняла одной рукой свою беглянку-гостью и крепко прижала к себе. Запахло молоком, теплом, уютом, и Марейке до слёз опять захотелось к маме.

– Ва-ля! Вылезай! – крикнула тётя Маша воде.

И вот образовалась русалка, она шла к берегу, роняя пену, и несла с собой удивление, восторг, красоту. Вода шумела, Валя смеялась, а на усталом лице гостью появилась улыбка.

Икона Троеручница

Утро. Торжество природы, мира. Гармония растений, птиц, человека. Небо дышит росой, воздух играет с эхом, ветер высушивает, разгоняет, убыстряет – приближается день. Всё движется – солнце, листва, река. Марейка вслушивается в незнакомые звуки, запахи. Всё её удивляет, настораживает, вызывает восторг. Где-то далеко мычат коровы, кричит погонщик – дядя Евдей. Тут рядом птицы поют-распевают, радуются дню, солнцу. Там – река, сливаясь с дымным горизонтом, веет прохладой, туманом и зовёт к себе.

Валя ещё спит. Разметалась её коса, чёрные ресницы дрожат, и тонкая шея нежна с пульсирующей венкой. Сейчас она не похожа на русалку, а больше на спящую красавицу из сказки. Плачет Галя в люльке. Марейка подошла поближе и заулюлюкала над малышкой. Та хватается пальчики, напряглась, глазки свела в сторону, улыбнулась и загулила – рассказывает своей сестрёнке, что да как, и смеётся, и поёт.

Пришла тётя Маша, взяла на руки малютку Галю. Марейка села на кровать рядом с Валею. В доме тихо. На окне мухи столпились, толкаются, суетятся, одна уселась на руку Вали, ползает, щекочет.

– Ва-ля, Ва-ля, – тихонько позвала Марейка.

– Девоньки, пора чаёвничать! Пойдёмте сёдня в лес за брусникой. Счас бабка Устинья придёт! – говорит тётя Маша, разливая горячий чай. Марейке всё интересно, она уже почти привыкла без мамы.

– А кто эта бабка Устинья? – спрашивает она.

– Это наша знакомая баушка, она из семейских и травница, всё умеет и всё знает, – объясняет тётя Маша.

– А чему она тебя научила, а, Валя?

– Всему, – кивает спросонья Валя.

Сгущёнка разлита по маленьким блюдечкам – что за чудо-еда! Марейка наклоняется над столом и лижет с блюдца, как кошечка. У неё дома на завтрак она никогда не ела сгущёнку, а это так, оказывается, вкусно! Вдруг Марейка слышит далёкое протяжное пение, до того оно широкое, раздольное, настоящее семейское, что все сразу затихли, прислушиваясь. Через несколько минут в дверях показалась бабушка. Она была очень ярко одета – широкий зелёный сарафан, обшитый по низу алыми лентами, синяя рубаха, красный запон, на голове будничная кичка. Держалась она очень прямо и двигалась как-то залихватски молодо. Тонкий её стан оборачивал великолепный расшитый пояс, а на груди висели ярко-жёлтые, крупные бусы-янтары.

– Мир этому дому! – сказала она с порога, перекрестилась и спросила:

– Усё ишшо²⁹ чаёвничаете?

Все засмеялись, закивали головами – тётя Маша, Валя и даже маленькая Галинка. Марейке бабушка понравилась, и она вплотную подошла к ней. И, взглянув близко в глаза старой женщины, поразились чистоте их, глубокой и спокойной, словно увидела небо, которое появляется после летней грозы.

– Я – Марейка, – сказала она, приседая.

– Ты чья девка будешь? – спросила гостя.

– Мамина, ну, вообще, моя баушка Елгинья тоже семейская – тарбагатайская, – ответила Марейка.

– Тады, девка, ты – своя, наша будешь, – погладила она Марейку по голове.

– Садись, бабка Устинья, пить чай со сгущёнкой, – сказала тётя Маша и усадила певунью за стол. Скоро все пошли в лес. Высокая гора сменялась ещё более высокой, удивительные деревья и кусты росли всюду. Марейка смотрела, дышала полной грудью, наслаждаясь лесом. Он был прекрасен, день чудесен, а бабка Устинья просто очаровала девочку. Она знала всё, каждый пенёк ей улыбался, а деревья словно хотели до неё дотронуться. Валя была её тенью, она смеялась вместе с ней, если было смешно, и грустила, если было грустно. А бабка Устинья, обнимая Валу, говорила:

– Что хозяин, то и облезьянин³⁰, так, Валушка?

Когда подошли к лесному колодцу, то сели передохнуть. Бабка Устинья попросила всех хорошенько напиться воды и послушать, что она расскажет.

В лесу начался ветер. Толстые сосны скрипели, и непонятно, кто рассказал эту историю – они или старческий голос человека:

– Теперь слушайте! Матушка Бугуродица Святая Дева пошла в лес.

И бабушка Устинья рассказала, что тот день выдался жарким. Смотрит Дева Мария – колодец стоит. Но держит Бога-Сыночка руками и не может попить водицы, не хватает ей руки. Тут помолилась Она Богу-Отцу, чтобы дал ей ещё одну руку – она и выросла. Попила Святая Дева водицы из колодца, Сыночка из рук не выпуская, поблагодарила Отца, благословила колодец и пошла дальше.

– Ишшо эта третья рука всегда держит Ребёночка, а Бугуродица может плыть па воде, вишь, как помогат! – продолжала бабушка.

Бьют чистые холодные ключи из-под земли, выдыхают благо для измученного жаждой путника. Попьёт он водицы из благословенного колодца – и силы прибавится, глаз станет ярче и зорче, ноги – крепкими и твёрдыми, ум – решительным. После такой водицы, что бы ни сделал человек, всегда выйдет победителем из любого дела.

Но вот наступила ночь. Пришла к колодцу страшная злая лесная ведьма. Долго колдовала она, но безнадежно, добро сильнее зла. Тогда чёрная колдунья придумала такое – создала рядом с чистым колодцем, свой, со злой водой, вот он, рядом. Кто попьёт из него, а вода в нём пахнет плесенью, войдёт в того чёрная колдовская сила, и этот человек будет проклят. Если не умрёт, то станет мучиться от несчастий, болезней, горестей.

– По-нашему надьтъ: возьми горсточку потихоньку зачерпни, погляди на воду-то и перекрестись, да тогды уж и попей, – и ни в жись тебе ничо не будет! А вода-то скусна³¹ шибко! – закончила бабушка.

Ветер затих, рассказчица тоже. Стало тихо. Вдруг все услышали, что Валя плачет – она не помнит, из какого ключа пила. Она так хотела пить, что не помнит, чем пахла вода. Вдруг она громко вскрикнула, схватилась обеими руками за горло и упала без чувств.

Дядя Евдей привёз Валю домой на телеге поздней ночью. У неё была высокая температура. Девочка бредила, ей казалось, что её душат, она хваталась за горло, пытаясь кого-то отбросить от себя, но, обессиленная, падала каждый раз в обморок. Той же ночью привезли врача. Он сказал, что у Вали сильная ангина.

От переживания за сестру Марейка не могла сомкнуть глаз всю ночь. Она отлично помнила, что пила воду свежую, обжигающую, чистую, значит, она наполнилась силой необыкновенной, способной сокрушить всё зло на земле. Марейка долго стояла перед иконой Богородицы Троеручицы и просила, чтобы та помогла Вале. Под утро девочка заснула. Ей снилась Богородица с Сыночком на руках, и что она Марейку ведёт свободной третьей рукой, и идут они по воде. Потом запомнился одинокий домик в поле и лодка. Марейка хорошо помнит слова, ей кто-то сказал:

– Только ты можешь помочь сестре!

Страх и боль

Валя медленно поправлялась и наконец выздоровела, но стала совсем другой. Куда исчезла её жизнерадостность, веселье, доброта? Она бродила повсюду угрюмая, злая, несдержанная. Всё её раздражало, во всём она видела неправду. Марейка дивилась перемене сестры и пыталась как-то развеять её грусть, уменьшить недоброжелательность. Но всё было бесполезно.

Часто Марейка вспоминала свой сон. Что он значит? Чем помочь сестре? Пойти ещё раз к колодцу? Причём здесь будка с окном? Какая-то лодка? Марейка плохо спала ночами, уехать же домой она теперь никак не могла. Не могла оставить Валю.

Обстоятельства сами помогли делу: у дяди Евдея заболел зуб, ему срочно надо было съездить в поликлинику, и девочкам необходимо было стать на время пастухами. Пока коровы в жару стояли в загонах, им надо было посидеть в сторожке на всякий случай, чтоб совсем не оставлять скот без присмотра.

Дядя Евдей отвёз девочек к загонам в маленькую будку с одним-единственным оконцем. Там стояли две железные кровати, застеленные толстыми синими покрывалами, был стол, и на стене висело настоящее ружьё. Ободряя притихших и приунывших девчушек, он насыпал им гору конфет, поставил на стол лимонад, велел запереться и сидеть, ждать его.

– Вряд ли кто-то появится в это время здесь, а я буду скоро, – уверил он сестричек, и тут же топот лошади поглотился лесом, дорогой, воздухом.

Девочки остались одни. Валя злилась. Её сердитые чёрные брови сошлись на переносице, она надулась, села за стол и поджала ноги. Ни говорить, ни играть, ни есть конфеты она не собиралась. В воздухе повисла тяжёлая тишина. Марейка бы заплакала, если б всё это происходило намного раньше, до колодца в лесу, до болезни Вали. Сейчас она не могла быть хуже её. Если она собирается вылечить сестру, то должна победить противную злость, страх и неуверенность. Вот о чём думала маленькая Марейка. Её светлые косички тряслись от напряжения, тоненькие руки вздрагивали, но карие серьёзные глаза зажглись уверенностью и смелостью. Марейка поняла, что на неё сейчас смотрит Богородица с Сынишкой на руках и ждёт смелого поступка.

– Как противно сидеть здесь и непонятно чего ждать! – зло проворчала Валя и начала всё разбрасывать – железный чайник полетел в угол, конфеты, взлетев к потолку, рассыпались по полу.

– Перестань, Валюша, хочешь, я тебе спою про птичку во садочке и про цветы? Так и время пройдёт незаметно! – спросила Марейка и весело рассмеялась.

– Чему ты радуешься? Вот если мне не понравится твоя пе-сен-ка про птичку во садочке, эта бутылка полетит в тебя, ясно? – глаза Вали зло сверкали, пальцы скрючились. Марейке на минуту

стало страшно, но всего лишь на одну минуту. Она тут же прогнала страх.

– Тебе понравится! Всё будет хорошо! – Марейка вскинула руки и словно превратилась в ту самую птичку в саду – так звонко и трогательно запела, что Валя не удержалась и стала подпевать. Это была победа! Обе девочки, взявшись за руки, прыгали и смеялись. В лесной будке запело даже одинокое окно и все четыре угла. Победа добра над злом свершилась! Но, увы, ненадолго.

Как только кончилось пение, пляска. Валя стала опять злой.

– Нет, мне не понравилась твоя песенка! Получай! – твёрдое стекло ударило запыхавшуюся Марейку в лицо. Она закрыла его руками и громко заплакала. Боль, кровь от разбитого зуба, слёзы не дали Марейке увидеть, как Валя выбежала за дверь и спряталась в лесу.

Когда высохли слёзы, Марейка обнаружила, что она одна в будке. Как так получилось? Где Валя? Вот так спасла сестру! Боль, досада, отчаяние перемежались в сердце девочки. Пойти на поиски Вали? Но как же обещание не покидать будку? Что скажет дядя Евдей, когда вернётся? Марейка задумалась. Её распухшее лицо, разбитый рот и худенькие вздрагивающие плечи вызвали бы жалость даже у лютого зверя. Как же Валя могла бросить её одну и убежать?!

Где же Валя? Вот она, сидит за кустом ивы, сжалась, спряталась, испугалась. Первый раз за последнее время после болезни она ощутила боль в сердце, поняла, что поступила несправедливо, что Марейка не заслуживает такого отношения. Первый раз Валя испугалась не за себя.

В то время как Марейка думала, как ей поступить дальше, Валя преображалась. Она плакала и ругала себя за то, что она плохая, недобрая, злая. Она увидела себя как бы со стороны, но лишь на мгновение. Скоро успокоилась и, решив, что вот-вот появится отец, вернулась в будку как ни в чём не бывало. Марейка сидела и смотрела в окно, она решила дожидаться дядю Евдея и уже придумала, что она расскажет.

Валя вошла. Злой блеск в её глазах занял своё обычное место.

– Испугалась? Рёва-корова! – сказала она с порога, подошла к столу и начала пить лимонад, словно ничего и не произошло.

Скоро приехал дядя Евдей, забрал девочек и отвёз в дом. Его перевязанная щека болела, он кивал головой и, что-то бубня, гладил девочек по голове, по плечам. Сестрички сидели тихо, каждая жевала шоколадный батончик и думала про своё под мерное качание телеги.

Утопленник

– Пойдём на реку! – позвала Валя Марейку ранним утром.

День чудесный. Солнце блестит и радуется, хочется быть счастливым, любить мир. Прекрасно! Всё живое ликует, поёт, веселится, живёт.

Босиком бегут девочки на песчаный берег, смеются, взялись за руки. Марейка заметила, что Валя после происшествия в будке всё-таки изменилась, она стала немного мягче, добрее. Марейка не жалела о своём разбитом лице, тем более, что у неё уже почти всё прошло. Она даже готова была ещё раз вытерпеть такое, лишь бы Вале помочь.

Бегут. Вдруг видят – на берегу люди столпились. Среди них отец Вали, дядя Евдей. Тянут что-то из воды. Валя как закричит:

– Утопленник! – И, закрыв лицо руками, бросается прочь, куда глаза глядят. Марейка перепугана, она не знает, как ей поступить. Бежать за сестрой?

Но любопытство, вызванное происходящим на берегу, взяло верх. Марейка медленно начала приближаться к людям, где было что-то страшное, чужое. Она услышала, как какой-то худенький дед с рыжей бородкой благодарил дядю Евдея, что тот не растерялся, вовремя подоспел на лодке, что удачно подцепил багром. Марейка мельком увидела посиневшее опухшее лицо мертвеца...

Скоро приехала машина и увезла тело, покрытое чем-то серым. Никто не замечал Марейку, она же видела и чувствовала всё, она не ела весь день и напряжённо о чём-то думала.

Увиденное утром на берегу потрясло её. Отчего всё так? Ведь вода приносит добро, оказывается,

она же может принести и горе. Кто этот человек? Отчего так случилось? Теперь песок, вода, солнце напоминали об утопленнике. Она бродила как тень одна.

Валя же весь день просидела дома, не отходила от мамы ни на шаг, ходила за ней, видимо, так она успокаивалась. Марейка же была одна. Её мама уехала, живёт себе дома и думает, что дочке здесь хорошо, что весело и интересно. А ей страшно, она теперь не будет ходить на берег, не станет радоваться воде. Она уедет домой.

Марейка возвращается в избу и видит Валю – а как же она? Поправится ли без её помощи? Почему Марейка должна это делать? Почему именно она? Ведь она сама устала, ей самой нужна мама.

Марейка садится на кровать, ей хочется плакать. Она закрывает лицо руками, с силой сжимая виски, и вдруг видит сияние – сначала светлый контур, потом более чёткие очертания лица, затем лицо и нежную улыбку. О, Богородица! Ты всё ещё помнишь Марейку?!

Но Валя смеётся, что Марейка спряталась, испугалась, что плачет. Она трясёт её за рукав и дёргает, и мучает. Марейка не отрывает рук от лица, боится, что Богородица исчезнет, и тогда всё пропало, ей неоткуда будет взять силы.

– Валька, чего пристала к человеку! Ух, вредная какая стала! – дядя Евдей оттащил дочь от кровати и шлепком отправил на кухню. Марейка заплакала и выскочила на улицу. Уж тут-то ей никто не помешает! Куда? Э-э-э, она бежит к берегу! Марейка вспоминает: вода и лодка! Вода и лодка! Победить страх, страх перед водой, страх перед смертью!

Свечерело. Сырая, влажная погода. Тучи набухли – вот-вот лопнут, и дождь, холодный, резкий, забьёт по ряби воды, по спине девочки, по большой тяжёлой лодке. Но Марейка уже не боится. «Если я буду бояться, то, как же я спасу Валю?» – она толкает лодку дальше и дальше от берега.

– Я не боюсь тебя, вода! – шепчет промокшая Марейка.

– Я не боюсь тебя, дождь! – уже громче говорит она.

– Я не боюсь тебя, ветер! Я не боюсь тебя, смерть! – кричит девочка и гребёт вёслами вперёд.

Сердце стучит так, что куда там ударам грома, она их и не слышит. Она и не видит, как дядя Евдей бежит по берегу, как зовёт её, как прыгает в воду и плывёт, настигая лодку. Вот он и догнал. Стоя по пояс в воде, резко разворачивает лодку и направляет к берегу. Наконец вытаскивает Марейку, она барахтается, задыхаясь, кричит:

– Нет, нет, не боюсь!

Он, не обращая на неё внимания, несёт в дом, к теплу, к свету.

– Беглянка! Вот отшлёпаю дома! – приговаривает дядя Евдей. Его сильные большие ноги бегут быстро, ещё быстрее и резче хлещет упругий дождь. Раз-два! Он словно ремнём бьёт по лицу, по телу.

Вот и дома. Марейку положили на кровать. Она дрожит и стучит зубами под тёплым одеялом. До чего же довела её смелость! Валя села рядом и во все глаза смотрит на сестру. Заметно, как изменилось её лицо, глаза, на губах улыбка, как алая роза.

– Какая ж ты смелая! В дождь! Одна! – говорит она восторженно.

– Ну и што. Мне нисколько не страшно было. А ты больше не будешь злой?

– Я? Ты разве из-за меня убежала?! Знаешь, когда папа догонял тебя, я так испугалась! Я всё поняла, прости, сестрёнка! – Валя наклонилась и поцеловала свою храбрую сестричку. Как вдруг в дверь постучали.

Мальчик Дима

– О! Димочка приехал! – сказала радостно тётя Маша, открывая дверь.

– Привет, привет всем!

– Здравствуйте, дядя Евдей! – Дима протянул руку и улыбнулся.

Закутанная в одеяло Марейка сидела теперь за столом и смотрела на Диму. Ей показалось, что она его видела в каком-то кино. Тоненький, высокий, русский, он прятал улыбку в чуть пробивающиеся усы и стеснялся посмотреть на Валю, Валя тоже опустила глаза и словно

окаменела. Потом вдруг резко изменилась – зарделась, перекинула косу через плечо и убежала на кухню. Никто ничего не понял.

Все сели пить чай. Дима рассказал, как он добрался и почему так поздно приехал. Его давно уже заказывал дядя Евдей, оказывается, он бывает здесь каждое лето и ловит рыбу вместе с рыбаками. Отец Димы, дядя Коля, и дядя Евдей – старые друзья, и дети их – Дима и Валя – дружат с малолетства. Тут Марейка поняла, что Дима и Валя давно знакомы, и что у них какие-то особые отношения, какие бывают между мальчиком и девочкой, когда они очень нравятся друг другу.

«Как хорошо, теперь я за Валю спокойна и могу уехать домой», – думала Марейка, когда засыпала. Ей снилось сияние неба, и как она идёт за руку с Богородицей по воде. Всё так торжественно, так спокойно, так красиво!

Проснулась от шёпота. Кто-то говорил:

– Я думал о тебе всё время и привёз подарок, возьми этот кулон с Богородицей Троеручицей, он будет хранить тебя!

– Спасибо. А ты возьми от меня на память этот крестик, он тоже сбережёт тебя, когда ты будешь там, на воде.

Шёпот стих. Марейка приподнялась на локте, отодвинула с окна занавеску и посмотрела на небо. Звёзды сияли, а луна, величавая в своём сверкающем облачении, управляла звёздным хороводом. Тут подошла Валя. Она улыбалась.

– Вот ты и прежняя, я рада, теперь Дима останется с тобой, а мне пора к маме. Слышишь, завтра я побегу, как тогда, до автобуса, а ты теперь меня попробуй, догони!

– Беглянка, ты и есть беглянка! – улыбнулась Валя и поцеловала свою милую сестру.

Звёздочка и светлячок

Сказочная повесть

Самая первая глава

У одной Мамы было две дочки – Звёздочка и Светлячок. Звёздочка была похожа на яркую звёздочку в небе, а Светлячок походила на тоненький светлячок, который всегда находился рядом со звёздочкой, ведь от её света и он светился.

Вот о них и расскажу вам. А ещё об их Маме и Тётушке, которая была ох какой тётушкой!

2 глава. Стёклышки

Звёздочка идёт и смотрит себе под ноги. Внимательно смотрит, потому что ищет стёклышки. Вдруг ей попадётся что-нибудь особенное, например, кусочек от разбитого белого чайника с красными розами и золотыми листьями или от какой-нибудь красивой кружки особенный осколок. Тогда Звёздочка вытрет его хорошенько от налипшей земли, и – о чудо! – стёклышко сразу засверкает на солнце, белый фарфор станет белее снега, ярче белого света, а на его фоне золотая полоса будет, как корона, сверкать и переливаться. Вот бы повезло, так уж повезло бы! Но, увы, ничего такого не попадается, одни лишь зелёные осколки от бутылок, да белые от разбитых чашек, правда, иногда ещё ободки от разбитых тарелок. Однако всё это Звёздочка собирает и кладёт в свой карман. Он уже тяжёлый. И Звёздочка думает, что как только она найдёт что-нибудь особенное, то все осколки выкинет.

Стёклышки искать – одно из любимых занятий Звёздочки и Светлячка. Когда они решают этим заняться, то идут на чей-нибудь огород и, как пахари, ходят туда-сюда, туда-сюда, чтобы не пропустить ни один метр и уже не возвращаться назад.

Земля ещё не вспахана, она лежит, пригретая солнцем, и ждёт зерна, чтобы плодоносить, отдавать. Поэтому сейчас надо успевать обходить огороды, чтобы побольше набрать стёклышек-драгоценностей.

О! Тихо! Звёздочка затаила дыхание – прямо на неё глядит тот самый осколок от чайника, с

красными розами и золотыми листьями! Звёздочка приближается к нему с протянутой рукой так, словно собирается поймать бабочку. Слово́но этот осколок сейчас взлетит. До чего же он красив и какой большой – ради него можно выбросить все стёклышки из кармана!

Но что это такое?! Светлячок бросает свою территорию и, обогнав Звёздочку, уже выкапывает чудо-осколок из земли.

– Не трогай! Он не твой! – возмущённо говорит Звёздочка, останавливаясь.

– Пошто это!?! – Светлячок надула щёки, отвернувшись и принялась выковыривать пальцем грязь с вогнутой стороны осколка.

– Отдай! – глаза у Звёздочки из зелёных превратились в яркие ослепительно золотые огни.

– Не-е! Не отдам! Я его вперёд увидела, я первая! – кричит Светлячок. Она-то ведь знает, что со Звёздочкой спорить нельзя, но всё равно зачем-то делает это.

– Ах, так?! – лицо у Звёздочки сузилось и всё словно ушло в глаза, в два огня, и каких! Светлячку никогда не понять свою сестру. Как она это делает? Ведь её сестра способна одними глазами уничтожать и создавать такие вещи, какие только захочет! Но этого никто и никогда не видел, кроме неё, Светлячка, только рядом с ней Звёздочка позволяет себе творить такое.

Вот и сейчас она своими горящими глазами уничтожила такой красивый осколок. Смотрит Светлячок, а у неё в руках – деревянная кора. Вот так! Сколько раз говорила она себе, что не будет спорить со Звёздочкой! Но что-то происходит у неё внутри, когда она видит, что Звёздочке везёт, а ей нет!

– Ай–я–яй! – Светлячок бросает на землю теперь уже загоревшуюся в её руках деревяшку. Звёздочка закрывает глаза, деревяшка тухнет.

– Кого делаешь-то?! Опять спужала³²! – но сколько бы Светлячок не смотрела на сестру, она ничего не сможет поджечь в ней, разве что сгореть сама.

– Вот всегда так! – кричит Светлячок и начинает плакать.

О, как Звёздочка устала, как ей тяжело! Нет, она не хотела поджигать осколок, она просто хотела подержать его в руках и, может быть, создала бы по нему чайник целиком. Он уже был готов в её воображении. Теперь ничего нет – ни чайника, ни осколка, ни воображения. Да, сжигать она научилась, а вот создавать – это труднее. Почему бы ей не попробовать создать этот чайник, когда Светлячок держала осколок в руках? Нет, она должна была первой прикоснуться к нему руками и тогда, она верила в это, – у неё бы получилось!

Звёздочка медленно подняла обгоревшую кору, потом подошла к сестре, и, посмотрев на её ладони, спросила:

– Шибко обожглась?

– Не! Но ежели опять сделаешь, то мамке пожалуюсь! – закричала Светлячок и побежала домой, теряя на бегу из кармана зелёные, белые стёклышки, которые, упав к ногам Звёздочки, превращались в бутылки, в чашки, в тарелки с разноцветной каймой.

– Получилось! – засмеялась Звёздочка. Потом она посмотрела внимательно на ту самую обгоревшую кору, подула на неё, три раза коснулась мизинцем и бросилась догонять сестру. Она догнала Светлячка почти уже у самого дома и, повернув её к себе лицом, показала тот самый осколок от чайника.

– Гляди, вот он! Забери себе, но никому не рассказывай, – попросила Звёздочка.

– Ладно, не буду! – Светлячок уже не сердилась на сестру, она ведь знала, что сердиться на неё не стоит, да и не за что.

3 глава. В мешке на речку

В гости к Звёздочке и Светлячку приехала Тётушка. Тётушка любила подшутить над девочками. Ей казалось, что они плохо слушаются маму, а она хотела видеть их достойными племянницами, поэтому решила заняться воспитанием сама.

Как-то раз вечером девочек просто невозможно было уговорить. Хотя все уже легли спать и в доме было тихо и темно, девочки всё равно шушукались, смеялись и повизгивали на полатах³³.

Мама уже и уговаривала их, и ругала, но они всё равно не слушались. Тогда за дело взялась Тётушка. Вот что она придумала. Она незаметненько, тихонечко встала в темноте и вышла, а потом начала стучать в дверь и чужим толстым голосом заговорила:

– Унесу в мешке на речку! Унесу в мешке на речку!

Тут, конечно же, в доме наступила тишина. Звёздочка почувствовала, как задрожала Светлячок – её большие светлые глаза остановились, рот открылся, лицо побелело – она испугалась не на шутку и, вскрикнув, прижалась к Звёздочке.

– Ерунда! Давай спать, – сказала спокойно Звёздочка и тут же уснула, перевернувшись на другой бок. Она уже не слышала, как вернулась Тётушка, она также не слышала, что прошептала в темноте Светлячок:

– А я спать не буду. Когда этот придёт, то я вскочу и убегу. Самое главное – быть начеку!

Она дрожала и действительно не сомкнула глаз всю ночь. Звёздочка спала, улыбаясь во сне, ведь она сразу же догадалась, что это Тётушка шутит. И Тётушка спала сладко в своей кровати, довольная, что непослушные девчонки уgomонились и наконец-то уснули. Только Светлячок таращила всю ночь свои светлячковые глазки в темноту, на дверь, только Светлячок напрягала всю ночь свои светлячковые ушки в тишину, на любой шорох, на любой звук за окном. Она дрожала, боялась, мучилась, сражаясь со сном, с собой. Её воля победила!

Когда заря покрыла красной занавеской небо и землю, Светлячок заплакала от радости:

– Наконец-то утро! Этот не пришёл!

Светлячок слышала, как встала мама, как затопила печь, как защёлкали дрова в огне. А небо за окном всё светлело, заря ушла, размылась синевою. Голубой прозрачный день ласкал круглое золотое солнце.

Теперь Светлячок уже лежала спокойно, напряжение всё опустилось в ноги, они сейчас ныли, и было приятно расслабиться и лежать, ни о чём не думая, никого не боясь.

– Звёздочка, а-а, Звёздочка! – позвала Светлячок просыпающуюся наконец-то сестру.

– Этого-то не было! Я всю ночь караулила!

– Чо ты брешешь³⁴?! Ты не спала всю ночь? Ты хоть знаешь, кто это был? – спросила Звёздочка, она любила свою сестру и жалела её.

– Не, не знаю, – тихо ответила Светлячок.

– Послушай, ты хочешь, чтобы тот, кто это сказал, сам сел в мешок?

– Хочу! Хочу! Хочу! – захлопала в ладоши Светлячок и засмеялась.

– Девочки! Вставайте! Чай пить – не дрова рубить! – запел Мамин звонкий весёлый голос.

– Счас! – хором ответили сестрёнки и, взявшись за руки, спрыгнули с полатей и побежали на улицу. Студёная прозрачная вода обжигает лицо, босые ноги горят от прохладной земли.

Вот и девочки уже за столом – причёсанные милые, послушные дети. Только на одну минутку отлучилась Звёздочка, она лишь взяла мешок и, завязав его узлом, прошептала:

– Чо хотел – получи! – И бросила его через ворота на речку, вот и всё.

Дети и Мама сидят за столом. Но в чём дело? Почему все крутят головами? Где же Тётушка? Почему её нет на завтраке?

Вдруг стук в ворота и голос приглушённый, словно из мешка, доносится. Все подскочили, побежали к воротам, а там Тётушка барахтается в мешке, вылезти не может, сильно разозлилась она. Все бросились ей помогать, и никто ничего понять не может, как она туда попала, лишь Звёздочка смеётся. Наконец Тётушка освободилась от мешка и бегом в избу – собирать вещи, чтобы уехать к себе домой, здесь она больше оставаться не может. Мама её уговаривает, чуть не плачет, умоляет остаться. А Светлячок подошла к сестре и сильно сжала пальцы её руки, потом прошептала:

– Я всё поняла... и ничего никому не скажу!

Звёздочка в ответ тоже сжала руку сестры и улыбнулась.

Тут они вместе пошли уговаривать Тётушку остаться пожить у них ещё немного. Тётушка не устояла и согласилась, а потом покачала головой:

– Ой, чо же гадко-то сидеть в мешке, еле добралась с речки! Девчонки, я вам вот чо скажу...

– Милая моя, но причём тут они? – перебила Тётушку Мама.

А Тётушка улыбнулась и о-очень внимательно посмотрела сначала в глаза Светлячку, а потом в такие же, как и у неё самой, зелёные глаза Звёздочки и задумчиво произнесла:

– А племянница-то вылитая я, такая же...

– Я, Тётушка, очень хотела бы на тебя походить! – тут же отозвалась Звёздочка.

– Ишшо мелко плаваешь – попка наголе!

– Научишь?

– Поглядим! А теперь айда! Я шибко ись³⁵ хочу! – сказала Тётушка, и все пошли завтракать.

4 глава. Раз – сюда, два – сюда

И Тётушка сдержала слово – осталась гостить дальше, но девочек больше не пугала. Их и незачем было пугать, они сами стали засыпать быстро и тихо.

Теперь каждый вечер все домашние устраивали сказки-концерты: Мама играла на балалайке, Тётушка пела на все голоса – то за волка, то за Красную Шапочку, то за её бабушку. Всем было весело. Но Тётушка всё равно никак не могла забыть про «мешок на речке». Она искала случая, чтобы также подшутить над Звёздочкой. И вот ей случай удался. Как это было? Вот как.

Девочкам нравилось наряжаться в сарафаны, повязывать платочки на голову и исполнять такой танец: стоя друг за другом, руки в боки, они, движениями сопровождая слова, голосисто пели:

Солнышко во дворе, а в саду тропинка.

Сладкая ты моя, ягодка малинка!

Тётушка и Мама им подпевали. Потом начиналось самое главное – надо было, держась руками за край сарафана, на слова: «Раз – сюда» – сделать полуоборот вправо, на слова: «Два – сюда» – влево, а на слова: «Повернёмся вокруг себя» – сделать полный оборот и закончить всё это хлопаньем в ладоши.

Светлячок выполняла всё тщательно, она любила петь и танцевать, при этом вся сияла, светилась и была очень похожа на самый настоящий танцующий светлячок. А Звёздочке не очень-то нравилось туда-сюда вертеться, и она решила не усердствовать: пока сестра делает полный оборот вокруг себя, чуть вильнуть сарафаном в сторону и начать хлопать в ладоши как ни в чём не бывало. Пока-а-а там ещё Светлячок повернётся, а Звёздочка уже стоит ровно и всюю хлопает. Светлячок ничего понять не может, она уже поворачивается так быстро, как только может, но всё равно видит, что ей не обогнать Звёздочку.

Маму это рассмешило, а вот Тётушка тут же решила отыграться на своей любимице. Она сосредоточенно посмотрела на Звёздочку, потом слегка повела рукой возле лица, как бы освобождаясь от своих рыжих, как и у Звёздочки, волос, и все заметили, что Светлячок танцует дальше, а вот Звёздочка, как приклеенная к полу, стоит и, словно механическая игрушка, выполняет тот самый нехитрый полуповорот. Все сначала засмеялись и продолжали петь, но потом прекратили и уставились на Звёздочку, которая, держась за край сарафана, дёргалась в одну и ту же сторону и никак не могла сдвинуться с места. Наконец Мама бросила балалайку и подбежала к дочери:

– Чо с тобой стряслось, Звёздочка? Ты здорова? – спросила она. Но Тётушка отвела Маму в сторону и что-то ей тихо сказала. Мама вышла из комнаты.

А Светлячок увидела весь обман Звёздочки с «повернёмся вокруг себя» и всё поняла. Но она не обиделась на сестру, даже, наоборот, пожалела – ведь столько раз повторить одно и то же движение тяжело, а тем более для Звёздочки, которая не очень-то любит разучивать танцы и танцевать.

Пот лил с лица Звёздочки, глаза потеряли всякое выражение, пальцы побелели – она силилась оторвать руки от сарафана. Ноги от напряжения сжались, и вся она теперь казалась меньше ростом. Она напрягала всю волю, чтобы победить Тётушку, ведь та заставила её, как заводную куклу, крутиться на месте. Звёздочка ещё раз с силой сжала зубы, на лбу появилась морщинка, ноздри округлились, но – тщетно... ничего не получалось! Эх, Тётушкина взяла на этот раз!

– Тётушка, прости её! Отпусти Звёздочку! – умоляла Светлячок. И только тут Тётушка опустила свои огненные глаза. Да-а, она порядком подустала. Тётушка поняла, что её племянница очень сильная девочка, что её перещеголяет скоро. С каким упорством сопротивлялась, с каким достоинством!

– Теперь надо проверить её, первое – на доброту, второе – на смекалку, третье – на смелость! – сказала Звёздочкина Тётушка сама себе и задумала план действий.

5 глава. Сахар кучечкой

Звёздочка любила, когда Мама ей насыпала в блюдце сахар горстью тоненькой струйкой, и тогда получалась маленькая пирамидка или кучечка. С ней можно играть. Можно представлять себе, что это блестящая белая сыпучая гора, можно смотреть, как сахаринки сыплются либо медленно, либо быстро от любого прикосновения. Чуть-чуть задень блюдце – и пирамидка рушится: быстро летят вниз глыбы-сахарины, нет спасения, кто внизу, даже если там и лепёшка, она станет белая-белая.

Сегодня Звёздочка приболела, и ей хочется, чтобы всё было как всегда или ещё лучше, чтобы Мама была рядом, чтобы сахар был кучечкой. Но Мамы всё время нет, и сахар она насыпала не так. Наконец-то Мама пришла, и Звёздочка принялась капризничать:

– Хочу сахар кучечкой, кучечкой, кучечкой!

Мама опять попробовала насыпать, но у неё почему-то опять сегодня вышла расплывчатая кучечка, не кучечка, а размазня какая-то!

– Не хочу такую, не хочу! Хочу кучечкой! – заревела-заплакала Звёздочка. Тогда Мама молча взяла вёдра, коромысло и ушла по воду.

– Ой-ё-ёй! – завывала брошенная Звёздочка.

В это время Тётушка сидела и вязала, она не встревала в разговор и, казалось, не замечала сегодня своей любимицы.

Со злостью толкнула Звёздочка блюдце с сахаром, оно упало на пол и разбилось. Сахарные кристаллики запищали от боли, побежали по углам, обиделись на девочку, ушли к мышкам.

– Уходите! Все уходите! – топчет их Звёздочка своей ножкой, пихает их в дырочки в полу.

А Тётушка тем временем подошла к окну, поймала луч света и взмахнула рукой. Вдруг Звёздочка зажмурилась: как сильно заблестел пол! Он зашатался, стал прозрачным, как лёд, и блестящим, как железо на солнце. Глазам больно даже сквозь закрытые веки. Тут голова у Звёздочки закружилась, и она присела на корточки. Только хотела встать, как почувствовала, что её словно кто-то держит, словно её втиснули в треугольную пирамидку, в этот прозрачный, невидимый, твёрдый панцирь, который давит на голову, плечи, ноги.

Не успела Звёздочка свыкнуться со своим новым положением, как вдруг услышала то-оненький голосок:

– Помогите! Помогите! – звал кто-то.

Девочка открыла глаза и – о – что она увидела! На пороге дома сидел огромный рыжий кот и пихал в рот крошечных мышек, беленьких, блестящих, просто чудо-мышек-сахаринок. Бедные мышки пищали, убегали, но огромному котищу было всё нипочём.

Звёздочка возмутилась, она решила тотчас же прекратить это безобразие. Но только стоило ей сделать малейшее движение в сторону кота, как острые края пирамидки врезались, словно иглы, в её тело, боль была такой сильной, что на какое-то время Звёздочка забыла обо всём на свете. Скоро боль начала проходить, и в конце концов прошла совсем, Звёздочка тут же решила больше не двигаться с места, лучше уж сидеть и ждать, что с ней будет дальше, может, придёт Мама и поможет, или она сама что-нибудь придумает. Что-то же она умеет, надо подумать... Тут Звёздочка опять услышала писк мышек. Она не утерпела и решила помочь – снова сделала движение вперёд. И опять та же боль. Во второй раз боль показалась Звёздочке не такой уж и нестерпимой, и она поняла, что сможет её вынести.

Кот так же пожирал мышек, теперь он ещё и посмеивался, и вообще вёл себя нагло. Однако

Звёздочка заметила одно – от каждого её желания помочь мышки как бы рождались заново, они не убавлялись. И девочка поняла: «Всё дело во мне!» Она решила двигаться дальше, чего бы ей это не стоило! Теперь Звёздочка двигалась всё быстрее и промежутки для отдыха делала короче. Наконец она добралась до обжоры-кота. И... прыгнула на него всей своей пирамидкой! Случилось чудо – пирамида лопнула, развалилась, а Звёздочка оказалась лежащей на деревянном полу, и всё как прежде – сахар рассыпан, блюдце разбито. Быстро подскочила она на ноги, подняла осколки блюдца, подула на них три раза, коснулась пальцем и сказала:

– Служи дальше, как служил! – И блюдце склеилось! Потом она собрала сахар и насыпала его такой кучечкой, какой хотела – белой ослепительной струйкой лился сахар, и получилась чудо-кучечка, чудо-пирамидка. Села Звёздочка за стол и принялась любоваться кучечкой, играть с нею.

Вернулась Мама с водой, посмотрела на дочку и улыбнулась. А Тётушка сидит себе, как и раньше, только носок у неё уже довязанный рядом лежит, сидит и волосы свои рыжие гребнем чешет, потом говорит:

– А Звёздочка-то у нас – добрая!

Тут как сверкнёт пол! Но этого никто не заметил, кроме Звёздочки, потому что никто не удивился, а Звёздочка на всякий случай покрепче вцепилась в край стола, уж больше-то она на Тётушкины фокусы не поддастся!

А Тётушка тут подняла вверх тонкий палец и говорит:

– Это только номер один! А номер один – доброта!

6 глава. Картофельные угли

Тётушка поставила на стол свой портрет, чтобы он наблюдал за девочками, и они с Мамой уехали в город на целый день. Звёздочка и Светлячок остались в доме одни. Скоро они набегались и проголодались. Тут и решили приготовить обед. Достали из подполья картошки, почистили и долго спорили, как же её приготовить. Наконец решили пожарить картошку на сковородке.

В печке был разведён большой огонь. Звёздочка это делала сама, она очень любит разводить огонь. Надо взять смолистое полено, построгать его большим ножом на лучинки, а потом, держа их левой рукой, поджигать правой снизу, чтобы пламя быстро побежало вверх и защёлкало, и зализало аппетитное дерево. Тогда надо быстро подложить это под поленья в печи, и всё – готово! Нет, ещё главное – выдвинуть задвижку в печи, чтобы дым летел вверх в трубу.

Жарко раскалилась плита. Сковородка готова – шипит на ней жир, сердится, что нечего ему обжаривать. Вот тут-то девочки и высыпают на сковородку порезанную картошку. О, как ещё сердитее зашипит жир! Обиделся, что вот, мол, не дали пожариться одному, насыпали картошку, жарь её теперь!

Светлячок закрыла сковородку крышкой и говорит:

– Всё готово! Теперь замечаем пятнадцать минут на часах! Потом открываем крышку, мешаем, солим и едим!

– Вот тоже мне! Надо не так! Всё время мешаем, то подгорит! – спорит с ней Звёздочка.

– Кто спорит, тот ничего не стоит! Ты бытто бы не любишь поджарку? Вот и пускай картошечка как следует поджарится! – уверяет Светлячок.

Она убегает в комнату и возвращается с большими часами, замечает на них 15 минут и садится ждать, подперев тоненькими ручками свои прозрачные щёчки. Звёздочка тоже садится рядом. Прошло 5 минут. Звёздочка слышит, как картошка зовёт на помощь, она криком кричит, что её нижняя корочка уже и не коричневая, а чёрная, что и средний слой готов. А огонь горит, бушует, хвалится.

– Э-эй, Светлячок, всё же сгорит! Давай перемешаем! – уговаривает сестру Звёздочка.

– Не-е, ишшо рано, только десять минут прошло! – отвернулась Светлячок.

Тогда Звёздочка решила не слушать сестру и сама помочь картошке, но не тут-то было. Вихрем кинулась на неё Светлячок:

– Не лезь! Я жарю! Ты давеча разводила огонь, я тебе не мешала, и ты не мешай! Ты же знаешь, я старше тебя!

Звёздочка взглянула на портрет Бабушки, и та согласно кивнула, да, мол, она старшая, её слушайся.

– Не буду! Чижало³⁶ глядеть – картошка-то горит, аж дым столбом! – кричит Звёздочка.

– Ишшо одна минута, – хладнокровно отмечает Светлячок и, не обращая внимания на взволнованную сестру, начинает считать вместе с часами:

– Раз, два, три...

Тут Звёздочка понимает, что они уже обречены на голод, что картошке теперь ничто не поможет, так пускай проходит и эта минута!

– Шестьдесят! – заканчивает счёт упрямая сестрица. – Достаём! – и она начинает сдвигать сковородку в сторону от огня.

Осторожно, чтобы не обжечься, снимает Светлячок крышку и видит там... угли, чёрные квадратные картофельные угли.

– Ах! – восклицает она.

Звёздочка молчит, она смотрит на перемазанное сажей лицо сестры, на чёрный дым, который всё ещё валит от сковородки, на то, как догорает в печи огонь и напряжённо думает.

– Надо было тебя слушать... — сокрушается Светлячок.

– Тогда слушайся! Раз! Два! – Звёздочка встаёт и делает круг руками перед собой.

– Сними теперь эту картинку с печки! – командует Звёздочка. Светлячок не верит своим глазам – всё, что было на плите на самом деле минуту назад, теперь стало нарисованной картиной. Что за ней? Быстро срывает Светлячок бумажную завесу с печи, и девочки видят там прежнюю сковородку с только что порезанной картошкой, и печка только что начала разгораться, время как бы вернулось назад на 15 минут.

– Ой, браво-то чо! И дыма нету! Ты, Звёздочка, совершила чудо! – прыгает по кухне и восхищается Светлячок.

– Теперь буду жарить я! – сообщает Звёздочка.

– Давай лучше³⁷ вместе, ладно? – просит Светлячок.

– Ладно! – улыбается Звёздочка и смотрит на портрет Тётушки. А Тётушка тоже улыбается, приподнимая вверх два пальца и говорит:

– Слушайся, Светлячок, Звёздочку! У неё есть смекалка!

Скоро девочки сидели на кухне за столом и уплетали за обе щёки вкуснейший в мире жареный картофель и, посмеиваясь, смотрели на картину, где дымились угли.

7 глава. Качели

На большой горе возле кладбища стояли старые качели. Чтобы залезть на сиденье качелей, надо было иметь либо высокий рост, либо особую прыгучесть – такими они были высокими и недоступными. Днём и в темноте они казались девочкам одиноким больным инвалидом-великаном, который кашлял и скрипел то надрывно и протяжно, то тонко и отрывисто, когда ветер касался его оглоблей-ног.

Звёздочка и Светлячок больше всего на свете боялись этих качелей, им было страшно не только идти на гору, но даже и смотреть в сторону горы, в сторону качелей. Может быть, зловещий вид им придавало кладбище или высокая одинокая гора, но тот человек, который построил их там, был не робким.

Почти ежедневно вечерами там собирались молодые люди, чтобы проводить время. Но даже сквозь смех, говор, пение и гармонию Звёздочка слышала скрип качелей, теперь они напоминали ей старческий смех обречённого на одиночество человека. Одно время было так, но как-то по весне с качелей упал молодой парень и сломал ногу, так про качели забыли.

Совсем сникли старые качели. Лил дождь, жарило солнце, дул ветер, и они всё это сносили, лишь подставляя свою горбатую незащищённую спину всем непогодам и времени.

Но вот опять наступила весна, опять заскучала гармонь, опять молодёжь потянулась на заветную гору, к таинственным качелям. Быстрые парни залезли по высоким столбам вверх, смазали шарниры, и скрипа стало меньше, казалось, качели опять обрели жизнь – веселее задёрнули они своими палками-ручищами, теперь скрипели, словно ворчали, но в основном были довольны жизнью. Однако девочки всё равно не посещали этих качелей даже и теперь.

Но Тётушка только и ждала весны, чтобы отправиться на качели, ей взбрело в голову непременно на них покачаться. Не идти же одной? Вот она и говорит девочкам:

– Я вам покажу, как надо качаться! Здесь никто не умеет! Мы пойдём сёдня же вечером!

Светлячок и Звёздочка насторожились и призадумались. Светлячок решила, что она сегодня вечером ляжет пораньше спать.

А Звёздочка задумала пойти с Тётушкой на качели, ведь когда-то всё-таки надо себя перебороть, хватит ей бояться неизвестно чего!

Так и случилось. Наступил вечер. Светлячок, ссылаясь на головную боль, шмыгнула пораньше в постель, а Звёздочка, сжимая покрепче губы, подошла к Тётушке и сказала, что она готова идти. Тётушка согласно кивнула, потом внимательно посмотрела на свою племянницу и, повернувшись в сторону качелей, пошла вперёд, не оборачиваясь.

Звёздочка шла следом и не сводила с Тётушки глаз – до того была красивой и стремительно лёгкой её походка, что Звёздочка еле успевала за ней. Рыжие кольца волос, свисая чуть ли не до пят, играли с ветром, а широкие юбки летели, словно сами по себе, и казалось, что Тётушка не идёт, а парит, носимая ветром. До того захотелось Звёздочке быть похожей на неё, что она от сердца пожалела Светлячка, что та не пошла с ними и не увидела такого чуда.

Звёздочка старалась подражать Тётушкиной походке, и о чудо, она тоже почувствовала, что ноги её отрываются от земли, что она тоже летит! «Я буду походить на Тётушку, буду!» – кричала её душа.

Вот и качели. Звёздочка видела, как они склонились перед Тётушкой, словно старый джентльмен, став на одно колено, преклоняется перед красавицей. А она, нежно трогая высокие серые столбы, словно гладила его по сникшей голове, потом спросила:

– Как живёшь, мой старый друг? – И себе же ответила: – Как жись³⁸? Отвяжись! – И засмеялась.

Ветер рвал высокую траву на горе, трепал Звёздочкино платье и волосы, но она не замечала этого, ей очень хотелось покачаться на этих удивительных качелях.

– Иди сюда, Звёздочка! – Тётушка всё знала и видела. Звёздочка подошла. Качели сами словно руками посадили её на сиденье, а Тётушка только чуть подтолкнула их. Она сказала качелям:

– Помнишь, как катал меня? Теперь прокати Звёздочку!

Сильно-сильно заколотилось сердце у Звёздочки, лишь только тронулись качели с места!

Раз-два! А качели взвивались всё выше и выше, у Звёздочки совсем перехватило дух, сердце замерло, и казалось, что оно никогда не отомрёт, боль в груди от высоты и быстрого движения не давала дышать.

– Не пугай девчонку! – кричала сквозь свист качелей и ветра Тётушка.

И тут Звёздочка почувствовала, что ей стало легче. Ветер теперь не рвал грудь и волосы, а словно ласкал их. Дыхание поутихло и восстановилось. Звёздочка успокоилась, у неё было такое чувство, словно тело стало легче пуха, словно она сама воздух, словно растворилась в нём и стала частью его. О! Как красива земля! Красное зарево догорающей зари окутало небо и всё вокруг нежно-розовой пеной. И в этой мягкой перине купается она, Звёздочка. Блаженство и покой разлились по её телу и душе, она словно уснула и увидела чудесный сон. Как будто Тётушка полностью ею довольна, потому что она добрая, умная и смелая девочка, и поэтому Тётушка отдала ей свои рыжие длинные волосы, свои зелёные пламенные глаза и сказала:

– Теперь я – это ты! Сила моя в тебе! – Всё так перепуталось, что Звёздочка точно не могла сказать, где была её Тётушка, а где она сама. Но, очнувшись, словно ото сна, она почувствовала необычайный прилив сил и поняла, что может сделать очень многое, стоит ей только взглянуть либо пошевелить пальцем. «Мне помогли качели и Тётушка», – подумала Звёздочка и улыбнулась.

Они уходили с горы, когда уже была глубокая ночь, ветер стих, качели спали, а сонная трава рассказывала свои сны земле.

Дома тоже все спали. Тут Звёздочка почувствовала, как сильно она устала, она легла и мгновенно, как, впрочем, и всегда, уснула. Ей снилась необыкновенная страна, где все живут добрые, сильные и смелые люди, и она знала, что когда-то обязательно в ней побывает.

Марейкины истории

1. Как Марейка рассказывает о себе

Когда мама с Марейкой ездят в город, то заходят к дяде Фоме на фатеру³⁹, если надо переночевать. Там бывает много других людей, и когда все садятся за большой стол (Марейка рядом с дядей Фомой), то гости начинают её выспрашивать: как зовут, ходит ли в школу, кого больше любит, папу или маму, и другие такие же вопросы. Марейка, предварительно потрогав ладошкой отяжелевший от полученных конфет карман и набрав побольше воздуха, охотно отвечает:

– Меня звать Ма-рей-ка! Нонче пойду в школу! Я люблю всех: и тятку, и мамку, и подружку Ксеньку, и брата Сашку, и Тузика, свою собаку, и... – Марейка перечисляет ещё очень долго, загибая пальцы, тогда гости улыбаются и угощают её ещё раз шоколадками и мармеладками.

Марейке радостно и смешно оттого, что в комнате много народа, и все улыбаются, оттого, что большая люстра на потолке даёт столько света, что комната становится похожа на огромный жёлтый шар. Ещё оттого, что Марейкины щёки от вкусных конфет тоже раздулись, как шары, когда она влезает на стул и смотрит на себя в трёхразовое зеркало – трельяж, два раза вбок и прямо. Тут её зовёт мама спать.

Засыпая, девочка вспоминает, что завтра они уезжают домой, к себе в деревню Десятниково, где их все ждут не дождутся: и отец, и брат, и подружка, и собака, и корова, и куры, и бараны, и все-все-все. Она радостно думает: «Скорее бы завтра»!

2. Как Марейка угощала курицу Коко

Приятно дома утром сидеть на крыльчке! Солнце сияет. Тузик вилял-вилял хвостом туда-сюда и наконец лизнул Марейку в нос. Фу-у, мокро! Марейка вытерла рукой собачью слюну и, чтобы не быть так близко к морде Тузика, встала. Сла-а-адко потянулась. И пошла в огород посмотреть, жива ли там вчерашняя городушка? Городушка – дом, построенный самими девочками. Дом, он так называется, хотя сам без крыши, если не считать голубое с белокрылыми облаками небо. Стены – собранные по всему огороду белые сухие стебли от съеденных подсолнухов, которые теперь, воткнутые в рыхлую землю на одном и том же расстоянии, отделяли комнаты одну от другой.

Вчера, когда они с мамой вернулись из города, здесь в гостях у Марейки и Ксени была курица Коко. Марейка не скупилась – принесла из казёнки⁴⁰ два до отказа набитых кармана пшеницы и угощала Коко на славу. Та сначала клевала боязливо, торопясь, быстро стучала твёрдым, жёстким клювом, разбрызгивала зерно во все стороны из Марейкиных ладоней – опасалась соперниц-куриц. Голова её резко крутилась, и красный глаз зорко высматривал, нет ли кого, кто отнимет еду? Но постепенно успокоилась и, видимо, поняла, что наелась. Однако зерно всё не убавляется. Коко решила, что теперь можно не так рьяно крутить головой с маленькой бородкой, а можно позволить себе слегка покудахтать в перерывах.

– Клюй пшаницу⁴¹, ешь, вкусно! – Марейка переполнялась счастьем, что она накормит хоть одну курицу досыта. Ей всегда казалось, что куры никогда не наедаются, ведь они всё время, от самого раннего утра, когда Марейка ещё спит, и до самого позднего вечера, когда Марейка уже спит, всё ходят, роют, ищут.

– Теперь, Коко, тебе не надо ничё искать, ешь!

Время от времени Марейка проверяла куриный зоб на тонкой шее, надавливая на него пальцем – тугой ли, есть ли ещё место для зерна?

Скоро глаза курицы начали медленно закрываться, она присела и перестала клевать. Марейка внимательно смотрела на Коко и удивлялась, что глаза у неё, мало того, что закрываются снизу вверх, но ещё и красного цвета. Цвет, конечно, не изменишь, а вот поучиться так закрывать глаза надо попробовать. Марейка попыталась: она щурила и кривила глаза, как могла, морщила лоб и нос, дёргала ртом. Ксения долго и терпеливо глядела и, наконец, сказала:

– По-ихнему всё равно не выйдет, не переживай! Вот яички бы нести, вот браво бы!

Девочки задумались.

Наконец Коко дали свободу, её опустили на землю, она заковыляла во двор, пройдя «сквозь» стену дома-городушки.

– Поглядим, будет ли опять ись? – Марейка кралась за Коко тихо, чтобы та не догадалась о слежке.

Коко прошла ворота, вошла во двор, подошла к своим подружкам, которые, разрывая ногами навозную кучу, выискивали в ней что-то важное для себя. Коко пока лишь разговаривала, видимо, рассказывала, где она была и что видела. Марейка радостно подмигнула Ксене:

– Кажись, накормили! – И запрыгала от счастья.

– Э-э! Глянь-ка! – Ксения дёргала за платье Марейку и с изумлением глядела, как Коко, резво подбежав на зов петуха, стала клевать какую-то чепуху с таким азартом, какого близко не было, когда она ела с ладоней девочки отборное зерно.

– Может, опять покормить? Даже не знаю, чо делать! – Марейка задумчиво смотрела на Коко.

– Не-е, это петух самускает! – И девочки принялись ловить петуха: – Ку-уть, куть-куть! Ку-уть, куть-куть!

Марейка, склонившись вперёд и, вытянув пустую щепотку руки, подходила всё ближе к птице. Петух начал громко вскрикивать, быстро-быстро зашагал, высоко поднимая ноги и, закрутив круглыми глазами, выгнул тугой проволокой шею.

– Ай, ну его! – махнула рукой Ксения. – Он вовсе большой и клевучий!

– Ко-о-о-ко-ко-ко-ко-ко-ко! – стала звать Марейка теперь Коко, но та спряталась за петуха.

– Ты чо за ним ходишь? – накинулась Марейка на курицу, потом отогнала петуха, тот насторожился. А Коко, как ни в чём не бывало, завидя приближающуюся девочку, присела и закудаhtала: «Ко-ко-ко-ко!»

– Бравенькая Коко, – Марейка села на корточки и гладила птицу по белым пёрышкам, сжимая и расправляя крылья. Курица, молча поглядывала на девочку, казалось, радовалась, что опять вместе и понимают друг друга. Коко щурила глаза и приговаривала тихо:

– Ко-ко-ко, ко-ко-ко.

– Коко, на, ешь! – Марейка протянула ладонь, на ней оказался толстый дождевой червяк, которого она нашла, когда строила городушку, они с Ксеной посадили его в банку с землёй, где он и жил это время. Хотелось узнать дотянет ли червяк до зимы?

– Чо делаешь-то? – Ксения увидела червяка.

Коко, вздрогнув от крика, бросилась прочь. Марейка, оставив червяка у ног Ксени, кинулась за ней.

Скоро червяк вернулся в банку, Коко – к петуху, а девочки – в свою городушку.

Теперь Марейка прошла и внимательно проверила весь дом, поправила кое-где покосившиеся стены-колышки из засохших подсолнухов, посмотрела, всё ли на месте, и подумала, что скоро всё это придётся сломать. Потому что в огород запустят баранов, которых привезут с далёкого пастбища, и коров, которых тоже перестанут пасти. Зимой они постоянно стоят здесь, им дают сено, солому и воду из колодца. Куры же, наоборот, поселятся в теплушку до самых тёплых дней.

1. Как Марейка учила бодаться Кольку-барана

Осень. Возвращаются домой бараны. Весною их увозят пасться далеко от дома, когда ягнятки

ещё не совсем выросли. Овец обстригают, делают метки – надрезают, например, всем одинаково левое ухо, чтобы потом отличить от чужих, и отвозят на грузовой машине в общее большое стадо. Проходит лето, и домой они возвращаются совсем другие – крупные, сытые, с новой, готовой на зиму, шубой. Вот и сейчас вернулось стадо домой. Весело Марейке, потому что весело во дворе – блеют бараны, суетятся люди.

А когда насыплет снега, когда завернут лопатой сугробы, прочищая проходы во дворе, тогда у баранушек рождаются ягнята – ярочки⁴² и куцашки⁴³. Марейкины родители ходят каждую ночь в овечью стайку с большой керосиновой лампой проверять: не появились ли детки? А сама Марейка старается изо всех сил не заснуть, чтобы узнать всё первой. И вот однажды, когда она уже совсем засыпала, ей удалось услышать мамин голос:

– Ну, слава Богу, Колька появился, а то всё ярочки были!

Ягнята рождаются кудрявенькие и сразу пытаются встать, а слабые ножки разъезжаются во все четыре стороны. Беспомощного ягнёнка могут затоптать, поэтому его вместе с мамой-баранухой отсаживают от остальных – малыша берут на руки, а мама бежит сзади и блеет. В натопленной теплушке их воссоединяют, и им там хорошо.

Со временем мам-баранух возвращают назад, в стайку, а число ягнят растёт с каждым днём, и в теплушке им, как в детских яслях, весело друг с другом. День и ночь они сидят там, а вечером и утром встречаются с мамами во дворе, где можно и побегать, и поиграть. С каждым днём крепнут ножки у ягнят, подрастает шёрстка, выглядывают всё смелее на лобиках беленькие рожки.

Поначалу Марейка не очень-то выделяла среди общего стада ягнят этого чёрного крепкого куцана, как мама сказала, Кольку. Но однажды он боднул её в руку, когда она угощала неугомонную ораву вкусной зелёнкой: мало, мол, носи ещё!

– Ого-го! – Марейка потрогала твёрдый лобик барашка – жёсткая шёрстка и беленькие точки наметившихся рожек. Но маленькое животное, внезапно напрягшись, быстро приняло позу нападающего.

Марейка рассмеялась и, подставив ладони вытянутых вперёд рук, дала возможность Кольке вдоволь пободаться: он то отбежал в сторону, то снова подбегал и так резко толкался, что Марейка не устояла на ногах. Было не больно, но смешно.

– Зудятся, зудятся рога – растут, – говорила мама.

И действительно, Колька тёрся своей упрямой головой обо все заплоты, обо все попадающиеся ему углы. Рога его вырастали на глазах. Колька стал бодать всё и всех подряд. Ему нравилось, что его боялись, а сама по себе боевая поза доставляла ему, видимо, немало радости – он весь преображался, наливался силой и был красив.

Как-то вечером Марейка с Ксеньей играли во дворе, и пришло время сосить ягнят. Их выпустили из теплушки, и каждый бросился к своей маме, только упрямый Колька не побежал, а остановился, осмотрелся и, приняв боевую позу, направился в атаку на Ксению. Марейка криком остановила Кольку, тогда он, недолго думая, направился, не меняя позы, теперь на Марейку. Колька уже достаточно вырос, и его широкий лоб с белоснежными рожками, уверенные движения, сверкающие глаза не предвещали ничего хорошего. Быстро Марейка схватила Ксению за руку, и они бегом бросились на крыльцо, захлопнули на щеколду дверь, тяжело дыша, остановились. Животное тут же вбежало по ступенькам и начало таранить двери, щеколда дёргалась, девочки прижались вплотную к стене и задрожали от страха. Шёпотом Марейка сказала:

– Гляди, чо выделявает!

– Ой! Мне домой надо итить! – Ксения была готова заплакать.

– В сенешное окошко пролезешь? Иди давай! – Марейка вдруг поняла, что Кольку теперь обязательно зарежут, потому что и раньше говорили: раз он бодается, то... если теперь узнают – всё пропало. Ей стало его жалко, он добрый, только глупый и хулиганистый.

– Пойми, его могут убить! Ты иди домой, я сама, – сказала Марейка подружке.

Ксения быстро сиганула вверх по ступенькам и, прошмыгнув через окно в сенцах, уже наблюдала

за событиями в щёлку уличных ворот. Марейка в это время сбегала, принесла хлебную корку с солью и, приподняв щеколду, немного приоткрыла дверь, просунула туда луст⁴⁴ и заговорила ласково, протяжно:

– Ба-а-ра, ба-а-ара.

Вытягивая шею, морду, язык, Колька кусал хлеб и вконец забыл о нападении. Марейка открыла дверь, вышла, погладила Кольку по голове. А Колькина мама всё это время бегала, искала его, призывно, отрывисто бляя.

– Теперь иди к своей мамке, упрямый баранчик.

Хлеб уже кончился, и Марейка гладила непослушного Кольку по тонким упругим ушкам, по широкой курчавой шее.

– И больше не бодайся, уймись, а то тебя убьют, – шёпотом закончила Марейка.

Колька глядел на неё большими добрыми глазами и, казалось, говорил:

– Не бу-бу-у-уду! – Потом побежал к своей маме.

4. Как Марейка училась играть в шахматы

Зимой на улице тихо-тихо, и эта тишина звенит колокольчиками в морозном воздухе, тоненькими колокольчиками – то тут в небе, то там. Зимой идёт снег, он падает, падает на землю. Если запрокинуть голову и посмотреть на небо, то мухи-снежинки залепят лицо, глаза.

Снег, когда нападает его много, собирается в сугробы, и тогда готова настоящая перина, мягкая, в которой можно лежать, закрыв глаза, и слушать музыку снежинок, дыхание сугроба. Зима – радость. Зимой и только зимой можно есть любимое мороженое молоко. Молоко выливают в широкую миску, кладут туда деревянные палочки, выносят на мороз, например, в сени, и оставляют на ночь. Утром можно увидеть вместо сплошной жидкой массы твёрдый белый лёд, изменилась и поверхность – теперь на молоке желтоватая шишка (если одна палочка), сколько палочек, столько и шишек, потому что они вырастают рядом с палочками. Эти шишки самые вкусные – сливочные! Дальше надо быстренько взять миску, только не мокрыми руками, иначе можно прилипнуть (и будет больно), поставить в таз с горячей водой. Молоко снизу отогреется, отстав от краёв миски, и закружится, если крутануть за палочку. Потом надо быстро перевернуть его на дощечку и порубить на куски – теперь можно есть. Если кусочек достался с палочкой, то лучше держать молоко за палочку и лизать вкусноту.

Марейка всегда делится молоком со своим братом Сашей. Саша старше её на целых пять лет, он очень добрый и неугомонный. Научившись чему-то сам, он обязательно учит этому же и Марейку, ведь она его сестра. Недавно он научился играть в шахматы. А теперь вот и Марейка, переставляя новенькие фигурки, усердно пытается запомнить: что тура, или ладья, ходит прямо-прямо-прямо и никогда углом, а офицер, или слон, только углом, и вжи-ик по доске, и только по белым клеткам, если стоит на белой, если же на чёрной, то ходит только по чёрным. Конь прыгает буквой «г», три вверх, одну в сторону, и неважно, если вся буква, кроме последней клетки, будет заставлена фигурами. Столько нового, интересного в шахматах! И слово «шах», и слово «мат». Когда Саша всё объяснил, Марейка настолько увлеклась, что забыла про молоко в руке, которое тут же заплакало белыми слёзками, закапало вниз на стол, на новые шахматы.

Теперь каждый вечер, когда все дела были закончены, Марейка и Саша садились играть. Видя, что сестра заинтересовалась всерьёз, Саша уже более тщательно продумывал ходы, чтобы не проиграть, но Марейка, казалось, всю силу забрала у противника и делала шаги всё увереннее и увереннее. Те самые «вилки», которые Саша показал ей, обернулись против него, секреты шахмат стали для Марейки открыты. Скоро Саша сдался, он не увлекался шахматами серьёзно, он любил баян и больше времени посвящал музыке и пению. Зато Марейку оторвать от шахмат стало просто невозможно. Ей много радости доставляло вести смелую атаку, она любила строить такие западни, что противник, поднимая руки вверх, сдавался сам, видя, что дальше играть бесполезно. Постепенно Саша стал увиливать от игры вовсе. Марейка настаивала, она отдавала ему самое лучшее молоко, вымаливая хотя бы одну-единственную партию, потому что всё теперь

для неё в жизни обратилось в шахматы, она жаждала игры, страсти нападения и сладостной победы.

Тогда-то брат привёл к Марейке истинного противника, Митю, известного в школе шахматиста. При первой же игре Марейка была побеждена, это её и огорчило, и обрадовало – есть чему поучиться. Скоро она столько нового узнала у Мити, что их шансы на победу сравнялись. Не прошло и двух недель, как Марейка победила и Митю. Об этом узнала школа, об этом узнали учителя. Молодой учитель Анатолий Петрович пригласил Марейку на межшкольные соревнования в город Улан-Удэ. Старшеклассницы-шахматистки в деревне не оказалось, и он решил рискнуть – взять маленькую Марейку. Она согласилась.

Из деревенской тишины и белого снега автобус привёз её, Митю и Анатолия Петровича в шум и тёмно-серый снег города. Жёлтый трамвай, звеня и подпрыгивая, показывал через окно бегущих от ветра людей и дома, такие высокие, что они закручивались за трамвай, если провожать их глазами снизу вверх. Зима здесь звенит, наверное, только трамваями, потому что небесные колокольчики бывают там, где по-настоящему тихо, как, у них, в Десятниково.

Марейка ехала на соревнование и очень волновалась, но когда села за доску с толстыми деревянными фигурками, то всё стало привычным, и она успокоилась. Анатолию Петровичу пришлось подложить на стул повыше коробку, чтобы было видно из-за высокого стола маленькую девочку с огромными белыми бантами. Все Марейкины соперницы были девочки-старшеклассницы и все улыбались, когда садились играть, но привычно и уверенно она обыграла всех! В конце соревнований её объявили победителем, маленькая Марейка заняла первое место среди девочек всех сельских школ! Анатолий Петрович от радости и удивления расцеловал Марейку.

Дорога домой была лёгкой, весёлой. Город остался позади – с мороженым, которому ох как далеко до Марейкиного мороженого молока, с шумом машин, с тёмным талым снегом, который приводил в недоумение: бывает же такое среди зимы, когда снег падает и падает белыми-белыми хлопьями.

Дома её поздравляли на общешкольной линейке, а в районной газете о ней писали больше всех и лучше всех.

По-прежнему Марейка готовила своё любимое молоко, а снег то опускался плавно на землю огромными хлопьями, то быстро сыпал мелкой крупой, то вместе с ветром кружился и окутывал землю всё новым и новым белым одеянием.

– Саша-а, может, сыграем партию в блиц! – Марейка подошла к брату, держа в руках шахматы, часы и молоко.

– Саш, мне, кроме тебя, не с кем, – умоляла Марейка.

– Ладно, – вздохнул Саша. – Давай суда молоко!

5. Как Марейка играла колобка

Новогодний праздник! Пахнет хвоей, мандаринами, морозом. На детскую ёлку мамы привозят на санках закутанных малышей – за подарками к Деду Морозу и Снегурочке. И Марейка с Ксеньей быстро бегут через речку к школе – времени осталось мало, в руках у них костюмы. Ксения – снежинка, а вот Марейка – колобок, и наряд у неё особенный.

Мама сшила две маленькие подушечки, чтобы одна была спереди, а другая – сзади. Подушечки пристёгивались к поясу, сверху на них Марейка надевала широченное розовое платье и бегала, быстро-быстро перебирая ножками, чтобы все поверили, что она настоящий колобок. Училась этому долго: немного сгибая колени, она подпрыгивала и бежала вперёд, появлялось такое ощущение, будто катится через камушки по дорожке – легко и красиво. Пока шились подушки, она научилась так «катиться», а когда надела их, то пришлось всё начинать сначала. Прежней лёгкости уже не было, подушки, хоть и пуховые, всё равно тянули Марейку вниз, и приходилось напрягаться, чтобы «катиться весело по дорожке».

Перед выходом из дома щеки натёрли румянами, завязали банты, подушки – в руки. Марейка

уже больше не могла ждать Ксению, решила сама зайти за ней, всё равно дома рядом. Зашла и удивилась – туда ли попала: в доме всё стояло вверх дном – искали чулок. Ксенина мама посвятила в эту проблему Марейку с порога: вчера вечером Ксения разувалась и положила чулки на стул, сегодня утром она нашла только один. Марейка посмотрела на кровать – там сидела непричёсанная и зарёванная девочка, на одной ноге был чулок, на второй – не было. Марейка взглянула на часы: половина десятого, в десять – утренник. Несмотря на это, всем было понятно, что чулок уже никогда не найдётся. Мама, Ксения и её младший братишка Валерик, заплаканный, потому что его не отпускали на ёлку одного, сидели измученные и обречённые. Марейка поняла, что должна немедленно что-то предпринять. Она спросила Ксению:

– Может, другие наденешь?

На это бедная девочка лишь отрицательно мотнула головой и, бессильно упав на подушку, залилась безудержным плачем.

– Не надо, прошу тебя! Кроме белых ничо не надевает. Я уж ей говорила, – ответила Ксенина мама, глядя по голове тут же заревевшего в помощь сестре, несчастного Валерика.

Марейка не могла видеть слёзы в таком количестве – надо было действовать.

– Счас! Я принесу свои! – выкрикнула она и бросилась домой, оставив подушки на стуле в прихожей. Не успела Марейка выскочить за уличные ворота под хриплый лай Ксениной собаки, которую никогда не спускали с цепи, и к которой запрещалось подходить, как её осенила мысль, что свои чулки она надела сама!

Как же быть? Медленно возвращалась Марейка. Когда вошла в дом, поразились происшедшей здесь перемене: теперь никто не плакал, а наоборот – все были довольны. Радостная Ксения стояла у зеркала и быстро причёсывалась, она была на десятом небе. Ксенина мама, приподняв Валерика поближе к умывальнику, умывала его не перестающую улыбаться рожицу и, повернувшись к недоумевающей Марейке, объяснила, смеясь:

– Во чо выделявает наша Ксюня! Надо ж, два чулка на одну ногу надела!

Мама и Валерик дружно засмеялись. Ксения была уже готова, никогда не видела её Марейка такой счастливой, её чёрные озорные глаза так и светились, так и сияли.

– Давай бегом! – крикнула Марейка.

– Давай! – ответила Ксения, и девочки побежали.

Валерик, обогнав их возле Марейкиного дома, мгновенно скрылся в проулке, его уже не догнать, так он стремился к Деду Морозу, к ёлке, к Новому году.

И подружки бегут быстро-быстро, чтобы не опоздать. В вестибюле школы уже пусто, из зала доносятся голоса, звуки музыки. Ещё быстрее бросились девочки переодеваться. В раздевалке – столпотворение, груды шуб, пальто, шапок, дети и их мамы возятся, все заняты собой. Мария Демьяновна – учительница обрадовалась, завидя девочек:

– Быстрее переодевайся, Марейка, наша сказка скоро начнётся!

Мигом сняла Марейка шубку, платок, мгновенно нацепила свои подушки, сверху надела розовое широкое платье.

– Быстрее, быстрее! – торопила учительница.

Марейка тут же начала снимать валенки: первый поддался сразу, но второй – ни в какую! Она дёрнула раз, другой... Что такое?! Девочка покраснела от натуги, ей стало жарко от подушек. Робко посмотрела на учительницу, та ждала, нетерпеливо поглядывая на часы и прислушиваясь к звукам, доносящимся из зала.

– Что у тебя там такое? Давай я попробую!

Она наклонилась и попыталась снять валенок, но у неё тоже ничего не получилось.

– Не понимаю! Вот что, быстро надевай второй и беги в зал!

Марейка была такая красная, что, увидь себя со стороны, удивилась бы, но колобку это было даже на пользу. Поспешно побежала в зал. Как туго ноге в правом валенке! Почему она дома этого не заметила?! Теперь надо будет как-то терпеть!

Сказка началась. Марейка запрыгала и запела:

– Я колобок, колобок! Я по коробу скребён, по амбару метён...

Колобок был такой настоящий, такой румяный, что сказка всем детям очень понравилась. Марейка, не обращая внимания на почти онемевшую ногу, думала только одно: «Скорее бы всё кончилось!» Иногда, увлекаясь, она забывала про сжатые, словно в тисках пальцы, но ногу время от времени пронзала острая боль.

Наконец-то кончилась ёлка! Как завидовала Марейка малышам, которых повезут домой на санках! Но ничего не поделаешь – надо идти! Девочка хромала и уже не стеснялась этого. Подружки шли, разговаривали, вспоминая сказку, хороводы, рассматривая свои подарки.

– Марейка, пошто ты осталась в катанках играть колобка? – спросила Ксения.

– А чо в туфлях было бы лучше?

– Не знаю. Может лучше. Я напрок тоже буду колобком, то все снежинки, а колобок только один! Марейка шла, слушала Ксению и улыбалась – главное, сказка всем понравилась!

Дома снимали валенок всей семьёй: ногу просунули в решетчатую спинку железной кровати и, закрепив там, тянули Марейку, как репку. Наконец со стоном и смехом повалилась Марейка в одну сторону, валенок – в другую. Девочка лежала на полу и наслаждалась: приятно ныла освобождённая нога, расслабленное тело отдыхало. Потом она подняла ноги вверх и увидела: на одной – не было шерстяного носка, на другой – целых два!

Смеяться уже не было сил.

7. Как Марейка участвовала в конференции

Это случилось, когда зима уходила, оставляя после себя заплаканное, размазанное лицо земли: пока-то весенние ветры осушат, а ласковые пальцы солнца украсят и преобразят мир.

В школе готовились к конференции, посвящённой уроженцу Марейкиного села, поэту, известному человеку в стране. Участникам заранее раздали стихи. Из всех первых классов выбрали одну лишь Марейку, так уж ей повезло! Всё было торжественно и очень серьёзно, сам поэт пришёл в школу.

Народу в зале было много, шум долго не прекращался. Когда же на сцене все уселись за длинный зелёный стол, уставленный цветами и графинами с освежающей водой, то наступила мёртвая тишина. Вначале выступал директор, потом старшекласники, они читали стихи, пели под баян песни собственного сочинения, а поэт улыбался и пел сам вместе со всеми. Потом выступали средние классы, они, кроме стихов и песен, ещё и танцевали. Было всем легко и замечательно. Всем, но не Марейке. Она, сидя в президиуме среди весёлых людей, тщетно пыталась вспомнить стихотворение. Оказалось, что она совершенно его позабыла, забыла всё – от начала до конца. Книга, такая маленькая книга, в которой оно было напечатано, лежала на дне Марейкиного портфеля дома. Как быть?

Марейка смотрела в зал и видела лишь один сплошной ярко-розовый круг – все лица слились в одно лицо, дыхание всех людей в зале обратилось в одно дыхание, ей казалось, что перед ней живое большое существо, которое ждёт всё нового и нового: оно пугало. Марейка думала, что вот сейчас всё быстро промелькнёт, учащиеся средних классов закончат выступать, потом наступит очередь младших классов, и вот тогда она пропала.

Девочка попыталась успокоиться. Ведь она же хорошо помнит, что стихотворение занимало три полных листа и называлось: «Про чайник, который лопнул». А дальше?.. Там описывались звуки, которые издавал несчастный чайник. Стихотворение должно быть смешным... Что же тут смешного? Всё это скорее страшно и грустно, когда бедный чайник погибает, а кто-то, вместо того, чтобы его спасти, сидит и слушает, на какой ещё лад запищит бедный умирающий? Ей было так жалко и себя, и чайник, что она чуть не заплакала.

Голос объявляющего донёсся до Марейки как с другой планеты, говорили, что теперь выступает она. В зале наступила тишина. Марейка, как во сне, долго слезала с большого стула, долго шла до середины сцены, наконец, остановилась и сказала:

– Жил-был чайник. Он дулся-дулся и... эта-а... лопнул.

Зал пугающе молчал. Вдруг Марейка увидела, как из общего розового круга выступило серьёзное

лицо учительницы, Марии Демьяновны, рядом – лицо мамы, оно растерянно улыбалось, и ещё – лица, лица, которые смотрели на неё и ждали... А она молчала. Что же делать?

Совсем близко подошла Марейка к людям в зале и заговорила. Она сказала, что если чайник лопнул, то виноват в этом хозяин, который захотел услышать, как чайник будет умирать. Этот плач он записывал, вместо того, чтобы спасти, ведь для чайника быть на огне – это жить!

В зале послышался шум: кто-то начал хлопать, кто-то громко заговорил, кто-то просто встал со своего места, чтобы лучше разглядеть эту маленькую девочку с таким звонким и печальным голосом. Вдруг все увидели, как к девочке на сцене стремительно приближается сам именитый поэт. Он присел на корточки и, подав Марейке руку, сказал:

– Вот так! Главное – уловить суть! Нас, семейских, не проведёшь! А ты, девочка, кем хочешь стать, когда вырастешь?

Марейка посмотрела в добрые глаза поэта, потом – в зал, там улыбались. Ей стало так радостно, так легко, что она развела руки, как бы обнимая всех, и воскликнула:

– Вырасту, но всё равно останусь семейской!

В зале творилось что-то невероятное, все смеялись, и было непонятно, кого чествуют: цветы дарили больше Марейке, чем поэту, а сам он не выпускал её маленькую руку из своей большой. Когда Марейка вышла из душного зала на улицу, она поразилась перемене окружающего её мира: весна бушевала вовсю, улицы не казались заплаканными, как раньше, а сияли от счастья и смеялись весне.

Сашка

Истории из жизни Марейкиного брата, когда он был ещё маленьким

1. Про льдину и хлеб

Была весна, поэтому льдины ожили. Сашка это знал, но он не думал, что с ним такое может случиться.

Он бегал на речке в новых кирзовых сапогах – хотел проверить их на прочность и непромокаемость. Стук-стук! Колотил он лёд то сапогом, то палкой.

Так увлёкся и не заметил, что отбежал далеко от берега, что оказался на середине реки. И тут! О! Льдина, которую колотил Сашка, отцепилась от дна и, покачиваясь, медленно двинулась вперёд. Мальчик испугался – под ним лопался лёд, и он видел сквозь щели чёрную холодную воду. Страх сковал тело – Сашка побелел, язык прирос к гортани, руки, ноги стали ватными.

Льдина неслась вперёд всё быстрее и быстрее, раздвигая соседние, она ломала и крошила края, но не останавливалась – быстрое течение подхватило её.

Сквозь шум реки мальчик услышал крики на берегу, он понял – его заметили. Сашка посмотрел вперёд и увидел перед собой мост, туда же и бежали люди. Кто же быстрее – они или вода, мчащая льдину с несчастным Сашкой? Мальчик изо всех сил надеялся на спасение, он ждал его, он не хотел утонуть. И спасение пришло.

Бабка Устинья подцепила Сашкину льдину палкой и сняла с неё промокшего перепуганного мальчика. Быстро отнесла к себе домой, завернула в сухое полотенце, усадила на печку, напоила горячим молоком и сбегала, позвала Сашкину маму.

Мама после слёз благодарности отнесла Сашку домой. Все думали, что он заболел. Однако Сашка не заболел, а начал заикаться. Он теперь долго не мог сказать слово – тянул одну и ту же букву, моргал глазами, плакал. Никто не мог помочь, всё было бесполезно – Сашка стал заикой. Мальчишки тут же прозвали его «зайкой», значит, заикой. Но Сашка хотел выздороветь во что бы то ни стало. И мама тоже очень хотела.

Решили лечить дома. Как только испечётся хлеб, то его, горячий, надо подержать над головой больного мальчика и помолиться, попросить Господа помочь излечиться. Каждое утро Сашка терпеливо сидел на корточках возле печки, а мама, вынимая лопаткой горячие булки, также терпеливо с большой надеждой лечила Сашку. И помогло. Господь помог, хлеб горячий, свежий,

мамино терпение, Сашкино желание.

Ну а мальчишки? Они скоро и забыли, что Сашка когда-то заикался.

2. Зазвенело!

Сашка хозяйничает во дворе: там постучит молотком, тут палкой поколотит, там бичом похлещет. Походил-походил и решил найти что-нибудь особенное, такое, – что, обо что бы ни стукнул – звон пошёл бы! То одно подберёт, то другое, всё не то. Надо найти что-нибудь потяжелее.

Искал-искал. Уже обошёл и огород, и задний двор, все стайки проверил, даже на сеновале побывал – нигде ничего. Решил залезть в подвал, там наверняка, что-нибудь найдётся. Подошёл к тяжёлой двери, с трудом вытащил тугой замок – со скрипом приоткрылась огромная дверь. Перелез Сашка через высоченный порог и остановился перевести дух. Посмотрел по сторонам – сколько тут всего! Надо пошире открыть дверь, а то темно.

Все углы обошёл, всё обсмотрел, то на корточках сел, чтобы было лучше видно, то поднимался на цыпочки, чтобы рассмотреть, то и на какой-нибудь ящик приходилось влезать. И он нашёл, нашёл, что надо. Железный прут! Вот он волочёт его к выходу – длинный тяжёлый железный прут. Как с ним справиться?

Пыхтит, вытирает грязной рукой пот с лица, но прут не отпускает. Сначала из двери подвала появляется прут, потом Сашкины ноги свисают, ищут землю, а скоро и он сам.

Опять перед ним двор его родной, опять светит солнце, всё знакомо вокруг – мама стирает, куры кудахчут.

Как поднять такой тяжёлый прут, как проверить его на звон? И Сашка под-ни-ма-ет! «Бах!» – стукнул по будке щенка – только пыль и щепки – здорово! Волочёт опять: «Бац!» – прогнулась половица крыльца – ничего себе силища! Напрягся Сашка – весь красный. «Бум!» – хотел по коромыслу, а попал по тазу с водой и мылом. «Трах!» – зазвенел таз. «Пуффф!» – вздыбилась мыльная пена. «Ай!» – вскрикнула мама. Обернулась она и видит своего сына перемазанного, с мыльной пеной на носу, с горящими от восхищения глазами.

– Зазвенело! – закричал он.

– Я-те покажу зазвенело! Так спужать!

Прут отобрали. Хороший был прут – длинный, тяжёлый, железный.

3. Сын-сын-керосин!

Любит Сашку мама. Он её первый и любимый сын. Она зовёт его нежно протяжно: «Сынок, сына, сыночка». Сашке это нравится. Его белобрысую головку на тоненькой шее и улыбку до ушей – всё это любит мама, и он счастлив. Узнали про это мальчишки, что мама про него всё: сына да сына и придумали дразнить: «Сын». Говорят так отрывисто, зло, сквозь зубы: «Сын».

Как любит это слово Сашка из уст мамы! И как обидно оно звучит из уст ребят! А ведь одно и то же слово! Мальчишки придумали ещё пообиднее, чтобы подольше обзывать, кричат:

– Сын-сын-керосин! – сравнили его с керосином. Обидно, причём тут керосин?

– Мам, не надо больше говорить «сын»! – просит Сашка, чуть не плачет.

– Пошто? Тебе не нравится? – спросила мама.

– Нравится, зови только дома, чтоб пацаны не знали, – шепчет ей на ухо Сашка.

– Ладно, – соглашается мама.

И она придумала вот что: на другой день, когда Сашка вышел на улицу, то услышал, что все мамы зовут своих мальчиков – сыночками.

– Сыночек, поди сюда! – кричит первая мама своему мальчику.

– Сыночка, иди ужинать! – зовёт вторая мама. И третья кричит из окна:

– Сынок, бегом домой!

Со всех ног Сашка бросился к своей маме. Она помогла ему взобраться на подоконник, и он с

высоты увидел, как все мальчишки бегут каждый к своей маме. Хорошо! Сашка заулыбался, щёчки его заалели, он понял, что больше его никто дразнить не будет.

4. Старший брат

У Сашки родилась сестра Марейка. В той люльке, где спал он маленьким, теперь спит она. Обидно Сашке – ходит надутый, голову в плечи вобрал. Не хочет он мириться с потерей – его была люлька. Посмотрит на железный крюк, прибитый к потолку, на котором раскачивается люлька, и жалко ему становится даже этот крюк, когда-то и он был его! Теперь нет ничего!

Сиди себе на железной тугой кровати! Ноги у неё в пол вросли, пружина толстая, хоть прыгай – не качается. Обидно. Жалко люльку. Тяжело вздыхает Сашка. Подойдёт тихо, посмотрит на сестрёнку – маленькая совсем, но всё равно люльку жалко до слёз. Пускай бы она спала в кровати, ей всё равно где лежать.

Кружит Сашка вокруг люльки. Мама подошла к нему, сказала:

– Ты теперь старший брат! Ить сестрёнка у тебя! – Сашка видит, как она жалеет новую дочку, поёт ей песни, кормит молоком. Обидно Сашке. До слёз. Неохота играть. Пошёл, сел в углу на ленивку⁴⁵, посмотрел в окно. На улице пошёл снег. Тоскливо и холодно. Дует ветер. Неохота гулять. Вернулся к люльке. Не хочется ему быть старшим братом! Как хорошо было! Как весело, радостно было жить! Уютно было и тепло. Полежать бы! Покачаться.

Смотрит Сашка на спящую девочку, а та улыбается во сне. Дотронулся он до люльки, она слегка качнулась. Толкнул сильнее... другой раз – и-и пошла она поскрипывать, покачивать. Ещё сильнее толкает он люльку и, вцепившись, со всего размаха раскачивает.

– У-у-ух! – кричит Сашка. Марейка проснулась, смотрит испуганно, вот-вот заплачет.

– Ай-я-яй! – вовремя подросла мама. Шлёпнула Сашку, чтоб знал.

– Ты чего это, а? Кого делаешь? Ить не уросила⁴⁶, ничо, пошто качаешь-то? – остановила люльку, успокоила дочку.

Сашке всё равно неймётся. Не прошла злость, она ещё больше выросла, ведь мама его больше не любит. И теперь уже не Сашка ходит надутый, а злость надутая вместо него – круглая, страшная, красная.

Мама ушла во двор. Сашка снова подошёл к люльке. Смотреть больше не стал – нечего рассматривать, решил действовать. Наклонился со стула, взял в охапку тёплую, чмокающую девочку и вытащил её вон из своей родной люльки – будет знать, как занимать чужое место! Положил на кровать. Та сразу проснулась, заплакала. Не стал возиться с ней больше Сашка – залез мигом в люльку и притворился спящим. Лежит, сам тихонько раскачивается. Как хотел бы он заснуть! Но не спиться – не даёт ему покоя плач сестры.

– Чо раскричалась – не пойму! Неужто в люльку хочет? – шепчет про себя Сашка и, перевернувшись на бок, добавляет:

– Теперь я – маленький! Всё, сплю!

Криком заливается сестра, но нет Сашке дела. Старший брат... старший брат, так какой же он старший брат? Сел Сашка в люльке, смотрит на сестру – она такая малюсенькая, беззащитная, кто угодно может её обидеть, и он туда же. Как же так?! Ведь он защищать её должен, оберегать, а сам же обижает. Стыдно стало. Бережно, как это делала мама, взял он сестрёнку и переложил назад в люльку, ведь он теперь – старший брат.

Конь Рассказ

Гнедой – звали коня. Он был красив, строен и как все лошади любил свободу. Любил гулять ранним утром, лакомиться зеленью с росой.

– Мой конь! – звала его Марейка. На самом же деле конь был общим, колхозным. Он жил на конюшне, где было много других таких же коней. Там у него была своя стайка, где его и кормили.

Каждое утро запрягали Гнедого: надевали уздечку, продевали в рот удила, водружали над головой хомут, чтобы держались оглобли, и впрягали в телегу.

Гнедой работал в колхозе целый день. Он возил тяжёлый груз, напрягая сильные ноги, склонив голову, тяжело дыша. Марейка наблюдала за ним, когда он проезжал по их улице.

Поближе она познакомилась с Гнедым так: отец как-то привёл коня к ним во двор, чтобы перевезти муку из мельницы домой. Марейка увязалась с ними и заранее запаслась краюшкой хлеба, чтобы наверняка понравиться коню.

Скоро они ехали в телеге, отец правил вожжами и тпрукал коню. Было очень радостно! Телега тряслась по камням, Марейка подпрыгивала в ней, всё время смеясь, и очень боялась прикусить язык, ведь это так больно!

Наконец приехали на мельницу. Как здесь всё бело от муки! Добрый мельник Елмен, белый, словно Дед Мороз из сказки, даже ресницы – и те белые. Громко грохочет колесо, сыплется стружкой мука. Мучные снежинки кружат, падают и покрывают всё мерным белым слоем. Марейка расчихалась от мучного духа и выскочила на улицу.

Тихо подошла к коню. Он стоял смиренно, привязанный к столбу и косился в её сторону выпуклыми карими глазами с длинными ресницами. Чёрная прямая чёлка мешала ему, и он встряхивал головой так, что с губ слетала пена. Жевал удила и вздрагивал, когда жирные противные пауты касались его нежной шеи, хвост здесь не помогал.

Марейка мечтала подружиться с Гнедым, ведь когда они будут возить сено с покоса, то хотелось бы прокатиться верхом. Осторожно рукой она дотронулась до Гнедого и прогнала всех паутов. Конь опять покосился, но жевать перестал, затих. Ему, наверное, понравилось ласковое прикосновение. Тогда Марейка протянула ему краюху. Гнедой стал энергично втягивать ноздрями вкусный аромат хлеба. Вытянул морду и потянулся губами. Девочка приблизила руку. Гнедой зубами подхватил хлеб и начал жевать. Теперь, затаив дыхание, Марейка стояла и смотрела. Она была счастлива!

Приговаривая, гладила коня по твёрдому лбу, по гибкой шее. Они подружились.

Все знали, что Гнедой любил людей, почему тогда это случилось с ним?

Как и прежде, конь проезжал со своей поклажей по улице, и Марейка встречала его с улыбкой, ей казалось, что он узнаёт её и склоняет голову, приветствуя.

Однажды коня взял дядя Аброся, надо было перевезти дрова. Его сын, Марейкин ровесник и товарищ по играм, был очень непослушным и драчливым мальчиком. Толику Марейка много рассказывала о Гнедом, он и подумал, что конь будет терпеть все его штучки. Но Гнедой ударил с силой копытом Толика в лицо... Коня увели.

Больше Гнедого Марейка никогда не видела. Но его тёплое дыхание на её мягкой ладошке она запомнила навсегда...

Утро звенит, встречая Рождество!

Рассказ

Почему так тихо? Так удивительно тихо? Словно мир утратил звуки, потерял возможность производить шум и отвечать на него. Эта тишина окутывает мягкой пеленой покоя, впитавшего в себя Божественное милосердие и всепрощение. Тёплое токающее блаженство разлито в воздухе, оно насыщает, обволакивает, даёт любовь. Так сладко!

Сладостно до того, что не хочется шевелиться. Ноет грудь – быть бы и не быть одновременно, жить бы и не жить.

Марейка проснулась – где она только что побывала? Вот он её мир: ещё раннее-раннее утро. Мама затопила печь. Слышно, как трещит смолистая лучинка, видны отблески огня на стене. Синий дым лезет в дверцу, повисает разорванными ленточками и тает беззвучно и бесследно в воздухе.

Марейка вспоминает, что сегодня праздник – Рождество Христово, вот отчего так радостно и покойно на душе! Как хорошо закрыть глаза и полежать ещё в тепле, подержать в руке

найденную под подушкой и запасённую с вечера прохладную оранжевую мандаринку. Снять тонкую кожицу, и слабые нежные дольки плода отдадут аромат, вкус.

Утро заполняет избу. Длинными прозрачными полосами льётся свет из окна, глядишь, а уже и не полосы, а сплошная крылатая пелена света разливается повсюду. Трудно удержаться в постели, да и ни к чему! Холодный пол обжигает, Марейка бежит к маме на кухню, прижимается к ней, к её переднику, пахнущему печёным хлебом и перепачканному мукой. Квашня пыхтит, пузырится тестом, печка потрескивает – уютно, хорошо.

Мама орудует сковородником и аккуратно, чтобы не задеть Марейку, ловко крутит в русской печи горячую от прямого огня латку со вздувшейся румяной лепёшкой. Красный язык пламени, загибаясь вверх, к трубе, лижет до черноты дымоход и жалит до боли мамино лицо, руки и Марейкин беленький лобик, который быстро краснеет, начинает чесаться.

Мама вынимает лепёшку, та сразу же от прохладного воздуха остывает, опуская вздувшийся бок, отдавая горячий хлебный аромат дому и его хозяевам. Когда же печка прогорит и хорошенько прогреется, то мама, перегородив её заслонкой, станет печь пироги, тарки, калачики и хлеб вкусный-превкусный. Всё потому что праздник Рождества.

Вчера вечером Марейка долго смотрела на небо, всё искала звезду особую, тихую, несгораемую, светлую – ту самую звезду Спаса нашего Иисуса Христа. И нашла её. Когда у Марейки уже окончательно замёрзли руки и нос, и старшая сестра Люба решила уйти домой одна и запереть дверь, как Марейка тут же и нашла её. Радостная, бегом она догнала сестру. Звезда и Марейка связаны: у одной глаза самые блестящие среди подруг, у другой такие яркие лучи, что могут освещать дорогу в тёмную ночь. Ведь именно в такую ночь мудрецы искали маленького Иисуса, чтобы ему поклониться, и нашли.

В доме, в переднем углу, стоит новогодняя ёлочка, на ней много блеска и звёзд. Все радуются рождению Бога-человека и зажигают каждый в своём доме огоньки – маленькие звёздочкины искорки, чтобы они говорили нам о радости и ценности жизни человеческой.

Теперь утро, впереди день, день приятных подарков и весёлых встреч. Марейка подходит к замёрзшему окну. Белые снежинки сыплют беззвучно, липнут к стеклу, и она замечает их неповторимый удивительный изгиб узора. Красотища! Все сегодня постарались, и мороз тоже. На улицу! Маруся быстро надевает валенки и выбегает.

О! Как бело! Снег на крышах, снег на дворе, снег на тополе, снег везде. И свет. Какой свет! Но не огонь, не пламя, а свет Божественный, чистый-пречистый, сквозной и неяркий. Не резкий, а приятный, мягкий, лучистый. Марейка всматривается в него до боли в глазах, до покалывания в груди. Потом закрывает глаза, но свет не покидает её, он лишь суживается до круглого блестящего шара и всё так же сияет, манит, зовёт. Марейка открывает глаза и бежит, бежит на зов света. Она слышит, как поёт небо, слышит далёкий звон колоколов. Их стройный, щемящий душу хор будит высокую тоску о том, что ВСЁ ХО-РО-ШО, о том, что ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА! Хочется плакать от счастья и жить!

Марейка запрокидывает голову – весь мир распахнулся навстречу! Сквозь летящие стройные ряды белого снега она видит НЕБО. Оно приблизилось к ней – как близко Бог! Марейка ощущает Его дыхание. Он слился с ней, и она подвластна, скажи, сделай то и то – и она сделает! Как пульс стучит! Это кровь человека каждым ударом провозглашает жизнь! Она жива и едина со Вселенной! Кажется, что сердце стучит в космосе – межзвёздное пространство живёт и отвечает – она ясно слышит его далёкий глубокий шум. Снег падает на лицо, он тает, и кажется, что Марейка плачет от счастья.

Стоит маленькая девочка, раскинула руки – объяла мир, запрокинула голову – объяла всю Вселенную. Стоит маленькая Марейка среди ослепительного бисера – света, среди звенящего морозного утра, протянулась её душа, явила связь во времени, ибо она центр добра и света на Земле. Дай Бог ей удержаться! Да сбережёт детство неприкосновенным свет и счастье человекoв!

---

¹ Фаргук

-
- 2 Попьём чай
  - 3 Семейские женщины
  - 4 Речной песок
  - 5 Порода овец с тонкой шерстью
  - 6 Телогрейка
  - 7 Ягнята
  - 8 Годовалый бычок
  - 9 Навозом
  - 10 Валенкам
  - 11 Ватрушки
  - 12 Начальные молитвы у семейских
  - 13 Подушечка для моления
  - 14 На будущий год
  - 15 Красивая, хорошая
  - 16 В Библии
  - 17 Кухня
  - 18 Обряд на Троицу, когда родные обмениваются крестиками, рождаются во Христе.
  - 19 Полотенце
  - 20 В тени
  - 21 Приданое невесты
  - 22 Озимый лук
  - 23 В один день
  - 24 Нашла
  - 25 Беременную
  - 26 Прошлогодняя
  - 27 Соблазнил
  - 28 Отдалённое поселение
  - 29 Всё ещё
  - 30 Обезьяна
  - 31 Вкусная
  - 32 Испугала
  - 33 Широкий настил для сна у самого потолка
  - 34 Брехать – говорить неправду
  - 35 Есть
  - 36 Тяжело
  - 37 Лучше
  - 38 Жизнь
  - 39 Квартиру
  - 40 Тёмная комнатка в сенях
  - 41 Пшеницу
  - 42 Ягнёнок женского пола
  - 43 Ягнёнок мужского пола
  - 44 Ломоть
  - 45 Лавка
  - 46 Капризничала